

Дмитрий КРАСЬКО

TAXI

СОПРОВОДИТЕЛЬ

Дмитрий Красько

Сопроводитель

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356359

Аннотация

Лишившийся работы, Мешковский рад любому приработку. И тут как нельзя кстати подворачивается работа почти по профилю: доставить ценного пассажира в соседнюю область, подальше от недоброжелателей. Деньги предлагают немалые 0 десять тысяч долларов за тысячу километров пути, из чего Мешковский делает вывод, что легкой прогулки ему не видать. Тем не менее, он соглашается – риск дело благородное, а деньги, в его ситуации, так и вовсе необходимое. Откуда же ему знать, что заказчик давно переметнулся в другой лагерь и ведет двойную игру, а Мешковский ему нужен исключительно в роли козла отпущения!

Содержание

1	4
2	13
3	30
4	46
5	57
6	70
7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дмитрий Красько

Сопроводитель

1

Две шлюхи на Набережной окинули меня безразличными взглядами из-под черных очков и отвернулись, продолжая разговор. Действительно, что с меня взять? Мятые джинсы, жеваный пиджак, рубаха, расстегнутая до пояса. Обычный средний класс, к тому же с явного похмелья. А вечер только начинался, и они еще рассчитывали подцепить кого-нибудь очень валютного.

Я прислонился к парапету метрах в десяти от них и стал ждать. У меня здесь было назначено свидание. Не подумайте ничего такого – чисто деловое свидание.

Время текло. Я ждал. Шлюхи разговаривали о своих профессиональных проблемах. Я не прислушивался. Мне и своих хватало. Кроме того, жутко трещала голова.

Наконец, подкатив к краю тротуара, возле меня скрипнул тормозами и остановился шоколадного цвета «Мицубиси Паджеро». Дверь открылась и из него выскочил человек во всем черном, не считая ремня и кончиков ботинок, которые были чуть темнее джипа.

Главное – во всем соблюсти тональность, сообразил я.

Чтобы все было под цвет чего-то. Например, носки ботинок – под цвет автомобиля. Солидно, блин.

Шлюхи с интересом уставились на вновь прибывшего, учуяв, что от него прямо-таки разит баксами. Но он подошел ко мне – невысокий крепенький человек шириной с пианино и ногами от рояля. Посмотрел мне в лицо и улыбнулся, обнажив зубы-клавиши.

Глаза у него были светлые и противные. И бивни, которые он продемонстрировал в оскале улыбки, тоже мне не глянулись – было похоже, что он украл их у любимого буденовского скакуна. Хуже некуда – грабить мертвых.

– Мешковский? – спросил он.

– Был с утра, – буркнул я.

Он озадаченно осмотрел меня с ног до головы и сказал:

– Мне тебя порекомендовали.

– Ну и?..

Еще больше удивившись, крепыш закончил осмотр меня, как такового и, кивнув в сторону джипа, сказал:

– Идем в машину.

Он сел за баранку, я попытался было устроиться на заднем сиденье, но светлоглазый крепыш возразил:

– Рядом садись, а то разговаривать неудобно.

Я не совсем понял, почему ему неудобно разговаривать, когда я сижу за спиной. Казалось бы – болтай и болтай. Ан нет. Воспитание не позволяет.

Я пожал плечами, выбрался наружу и, обойдя джип по

кругу, уселся на переднее сиденье. Человек с противными глазами запустил мотор и вывел машину на проезжую часть. Шлюхи проводили его призывными взглядами, но он даже не глянул в их сторону.

Пару кварталов мы ехали в полной тишине, и я уже было собрался сам ее нарушить, спросив, какого хрена он затащил меня к себе в машину – помолчать дуэтом, что ли? Но стоило набрать в легкие воздуха, как крепыш, наконец, заговорил.

– Мне посоветовали к тебе обратиться.

– Да, – согласился я. – Ты уже докладывал.

– Сказали, что ты хорошо водишь машину. Это так?

– Ну, если сказали, значит, наверное, так.

– Да или нет? – нервно уточнил он.

– Послушай, – попытался объяснить я. – Я вожу машину.

Мне это дело нравится. А вот как я ее вожу – не задумывался. Со стороны виднее.

– Ты скажи только: да или нет! – почему-то взорвался он. –

Я не спрашиваю, нравится тебе водить или не нравится. И отвечай только на то, о чем я тебя спрашиваю!

Мне не понравился его тон. Он, конечно, крут всячески, и доллары у него при ходьбе даже изо рта вываливаются. Возможно, он ими вместо туалетной бумаги пользуется, пусть его. Но разговаривать со мной в таком тоне не надо. У меня и без посторонних грубостей голова потрескивала, что твой арбуз на морозе.

– Останови машину, – сказал я.

Он удивленно скосил на меня левый глаз и спросил:

– Ты чего?

– Машину, говорю, останови. Надоел ты мне, натурально, на первом же вопросе.

Крепыш прижал джип к обочине и, не оборачиваясь, бросил:

– Ну и вали.

– Удачных покупок, – пожелал зачем-то я и выбрался из машины. Захлопнул дверь, сунул руки в карманы и, не торопясь, пошагал к троллейбусной остановке.

Но не успел пройти и сотни метров, как он меня догнал. Припарковав «Паджерик» чуть дальше по ходу движения, выскочил на тротуар и загородил мне дорогу:

– Послушай, успокойся. Ну, я тебе нахамил, ты мне нахамил. Теперь мы в расчете, да?

– Нет, – сказал я. – Я тебе не хамил, я тебе правду говорил. А ты мне начал условия ставить. Меня такая система не устраивает. Не я тебя искал, а ты меня. Когда к зубному доктору приходишь, тоже условия ставить начинаешь?

– Ты же не зубной доктор, – примирительно сказал он.

– Кто тебе сказал этих глупостей? – удивился я. – Я тоже зубы удалять умею. И даже по нескольку за раз.

– Ладно, давай замнем для ясности, – попросил крепыш. Я выжидательно уставился на него – может, выдаст, наконец, что-то интересное? – Мне сказали, что тебя несколько месяцев, как уволили, и ты сейчас без работы. У меня есть для

тебя дело. Оно весит десять тонн баксов.

– Ого! – сказал я. – Солидная сумма.

– Работа этого стоит, – на всякий случай уточнил он. Как будто я не знал, что по десять тысяч баксов от щедрот душевных в наше время не отваливают.

– Кто тебе посоветовал ко мне обратиться?

– Пипус. Он сказал, что ты столько раз в грязные истории влипал и за тобой, если покопаться, столько всего обнаружить можно, что тебя ни в одной порядочной тюрьме держать не станут.

– В непорядочной – тоже, – добавил я, зардевшись от незаслуженной похвалы.

– Еще он сказал, что ты классно водишь машину, десять лет проработал таксистом...

– Врет, – возразил я. – Десяти – не отработал.

– Все равно, – настаивал крепыш. – Он сказал, что ты за баранкой себя чувствуешь, как в собственной постели. А мне именно такой человек нужен. Ты, конкретно, в какие грязные истории влипал? Что это за истории?

– Тебе все по порядку перечислить?! – я изумленно вытаращил глаза. – Тогда мы тут до следующей зимы простои́м, а я пальто забыл прихватить. У таксиста работа такая – раз в месяц он обязательно во что-нибудь влипает. А иногда и чаще. Или мне просто везло на шизоидов.

Он озадаченно потер подбородок, потом, крикнув, сказал:

– Хорошо, не надо рассказывать. Ты только скажи честно:

с оружием умеешь работать?

– Смотря с каким, – уклончиво ответил я. – С гаубицами не пробовал. С ракетами класса «земля-земля» – тоже.

– Да нет! – крепыш досадливо взмахнул рукой. – Попро-
ще! С «Калашом», например. Ну, с пистолетом справишься?

Как-то глупо прозвучало – справлюсь ли я с пистолетом. Справиться можно с человеком в драке. Не справиться – с управлением на скользкой дороге, когда едешь в автомобиле. Об этом я и сказал человеку с противными белесыми глазами. Он опять начал было раздражаться, но могучим усилием воли попытался сдержаться, что у него в итоге, надо отдать должное, получилось. И он уточнил:

– Выстрелить-то ты из него сможешь?

– Ежели будет в порядке и заряжен – тогда да, – честно сказал я. – Ежели из него половину запчастей повытаскива-
ют, тогда, конечно, вряд ли.

– В порядке он будет! – вздохнул крепыш. – Меня, вооб-
ще-то, предупреждали, что ты поговорить любишь, но я не
думал, что до такой степени.

– А до какой ты думал? – поинтересовался я и, не дав ему
ответить, перешел к делу. – В чем твоя работа заключается?

– Нужно будет одного человека доставить в Томск. Отсю-
да. На машине. За десять дней, начиная с завтрашнего утра.
За ним, возможно, будут охотиться, поэтому тебе придется
быть и шофером, и телохранителем. Но мы заплатим по шту-
ке за день. Так что овчинка выделки стоит. Ну как, берешь-

ся?

Я прикинул. До Томска – две тысячи километров. Значит, теоретически можно доехать за сутки. Правда, я слышал, там дороги – ни к черту. Значит, за двое-трое суток. Ну, максимум, четверо. Мне же дают десять дней. Из этого вытекает, что намек на предполагаемую охоту за типом, которого мне предложено охранять – не просто намек. Охота будет, ее вероятность – сто девяносто девять и девять десятых процента из сотни. Очень мило, ничего не скажешь. Похоже, десять тысяч, если я соглашусь на эту аферу, придется отрабатывать потом и кровью.

– А кто, извиняюсь, за парнем охотиться будет? – уточнил я. – Случайно, не милиция или госбезопасность?

– Нет, – хмуро бросил светлоглазый. – Хуже: мафия.

– Какой кошмар, – согласился я. – Ты меня до смерти напугал. Хорошо, я берусь за эту работу.

Он кивнул, вынул из заднего кармана брюк бумажник, достал оттуда толстую пачку долларов и протянул мне:

– Здесь три штуки баксов. В качестве аванса. Получится у тебя доставить его до места или нет – неизвестно, но ты едешь, а это уже риск. Поэтому бери бабки. – Я взял. Интересный народ. Я могу с этими деньгами завалиться туда, где меня сам черт не найдет, а они уверены, что я завтра усядусь в тачку и повезу их человека куда-то, куда Макар телят не гонял. Впрочем, глупость. Повезу, конечно. А все моя честность виновата. – Когда вернешься, получишь осталь-

ные семь. Может быть, и еще кое-что. Завтра у тебя под окнами остановится белая «Камри», дважды просигналит. В семь утра. В салоне будет сидеть тот самый человек. Под сиденьем – пистолет «Беретта» девятого калибра на пятнадцать патронов. Знаком? Познакомишься. Там же будут лежать четыре обоймы. Доверенность на твое имя – в кармашке солнцезащитного щитка, прямо над головой. Заполнишь сам, не маленький. Подпись хозяина там уже будет. И все документы на машину – тоже там. Сядешь за руль – и в путь. Договорились?

– Похоже на то, – я кивнул с умным видом.

– Теперь тебя куда отвезти?

– Туда, откуда взял.

Мы уселись в джип, и крепыш быстро и без приключений доставил меня на Набережную, выгрузив точно там, где и подобрал несколькими минутами раньше.

Я выполз на тротуар и поднял руку, прощаясь. Он ответил мне тем же и, газанув, быстро скрылся за поворотом.

Шлюхи стояли на прежнем месте, курили и теперь уже с нескрываемым интересом рассматривали меня. «Паджерик», подъехавший к самым моим ногам, не очень-то вписывался в привычное им понимание мира.

Я задумчиво оглядел шлюх. Попользоваться или не попользоваться? В конце концов, может быть, завтра у меня начнется последний в жизни поход. А сегодня я имею в кармане три тонны баксов. Как-то глупо отказывать себе в удо-

вольствии в такой день. Я надел на лицо сальную улыбочку
и подошел к ним:

– Скучаете, зайчата?..

2

Первой мыслью было – так пить нельзя. Мысль родилась еще до того, как я протянул руку, чтобы выключить надоедливо гремящий будильник. Можно, конечно, страдать, натирая мозоли в душе от жалости к себе, несправедливости потери работы и тепе и тепе. Но что мешает делать это в трезвом виде? Из того, что я вчера напился, как верблюд, которому предстоит неделю шарахаться по пустыне, ничего хорошего не вышло. Просто снова, готовая в любую минуту явиться, затаилась в засаде головная боль, да во рту нехорошо и липко отдельной жизнью жил язык.

Я таки протянул руку в сторону будильника, и она неожиданно ткнулась во что-то мягкое. Мягкое застонало женским голосом. Я удивился. Любой бы удивился. Я резко повернул голову и тут же зажмурился – голова затрещала куда громче будильника.

Я сильный парень. Я переборол боль. Открыл глаза и увидел, что рядом лежит одна из вчерашних шлюх. Она снова застонала.

– Голова трещит? – сочувственно прохрипел я. – Выключи будильник. Это все из-за него.

Шлюха подчинилась. Будильник заткнулся. Стало легче. Я приподнялся на локте и посмотрел на циферблат. Начало седьмого. Зачем я завел часы на такую рань? Все от зеленого

змия, чтоб он, гад, кожу по два раза в год менял!

С другой стороны тоже застонали и тоже женским голо- сом. Страшная догадка пронзила мой мозг, вызвав новый приступ дикой головной боли, снова вынудившей меня за- жмуриться.

Глянув, наконец, туда, откуда стонали вторым голосом, я понял, что не ошибся – по правую от меня руку лежала вто- рая шлюха.

– Ай да я, – ошарашено сказал я. Нарезался так, что не помню, как затащил их к себе домой, а затем в постель. Не помню, что с ними делал, не помню даже, как их зовут. По- думать только.

Я выбрался из кровати, перешагнув через спинку – вспом- нил примету, что через человека переступать нельзя: расти не будет. Я не был зверем и пожалел дамочек по обе сто- роны от меня. Прошлепав босыми ногами по полу, скрылся в душе, где минут десять издевался над собственным орга- низмом, включая и выключая горячую воду при постоянно включенной холодной. Контрастный душ. Говорят, помога- ет. Помогло или нет, не знаю, но когда я выбрался из ванны, руки у меня ходили ходуном. Поэтому бриться я не стал. А вот зубы почистил – получилось очень удобно.

Потом прошел на кухню и включил кофейник. На сто- ле стояли полбутылки рома и остатки закуски. Сперва я хо- тел опохмелиться, затем, совершенно неожиданно, вспом- нил, что у меня сегодня начинается рабочая декада – везти

какого-то типа в какой-то Томск, а по дороге отстреливаться от каких-то носорогов, которые имеют зуб на того типа, которого я повезу. В общем, чушь какая-то.

Пройдя в спальню, я, голосом, в котором звуки прорывались через раз, сообщил:

– Все, девки, кончай ночевать, вставай пришел.

Пока они, сопя и стеная, выбирались из-под одеяла, я оделся в ту самую одежду, что была на мне вчера, вынул из кармана пачку баксов и удивился: истратил не так уж много. Впрочем, это понятно – начал сразу с какого-то ужасного пойла, скорее всего, подкрашенного шоколадом самогона, который лицемерно назывался шотландским виски.

Отсчитав сотню, я положил ее на прикроватную тумбочку и объяснил:

– Это вам на двоих.

В кухне закипела вода и я вернулся туда. Навел себе крепкого-крепкого кофе, надеясь, что он вернет меня к жизни, и сел за стол, ожидая, пока остынет.

В дверях хором, как сиамские близнецы, нарисовались шлюхи. Одна из них прошла к столу, бухнулась на стул напротив меня и, привалившись спиной к стене, затихла. Очень больная и очень помятая. Что я с ними вчера делал – ума не приложу.

– Твоим душем можно воспользоваться? – спросила вторая.

– По-моему, можно, – сказал я. – Я недавно пользовался.

Не туда, это туалет.

Шлюха сменила направление движения и попала, наконец, в ванную комнату. Вскоре оттуда донесся шум текущей воды.

– Хорошо мы вчера оторвались, – простонала вторая шлюха. – До сих пор в себя прийти не могу.

– Опохмелишься? – заботливо поинтересовался я. Она кивнула. Я налил ей рома в стакан, она в два глотка опорожнила его и застыла, ожидая, пока лекарство подействует.

Потом шлюхи поменялись местами. Одна, посвежевшая и даже немного похорошевшая, устроилась напротив меня и принялась лечиться ромом, вторая скрылась в ванной. Я занялся кофе. Он был горячий и пить его было неудобно, но я, медленно и осторожно, справлялся с этой задачей – прихлебывал мелкими глотками, катал во рту, остужая, и лишь после этого отправлял в желудок.

За окном раздались автомобильные гудки. Я догадался, что это по мою душу, тяжело вздохнул, встал, распахнул окно и прокричал в него:

– Пять минут, натурально! Шнурки доглаживаю.

После чего вернулся за стол и снова взялся за кофе. Не роддом, подождут.

Дверь ванной отворилась и из нее выползла вторая шлюха, тоже немного посвежевшая и уже не с таким количеством складок на лице.

Вопросительно посмотрев на свою напарницу и уловив от-

ветный кивок, она сказала:

– Ну ладно, Миша. Мы пойдем.

– Счастливо, – буркнул я, с головой погружаясь в кофе.

Они вышли из квартиры. Я задумчиво посмотрел им вслед. Надо же! Имя мое знают. А вот у меня с этим проблемы. В том смысле, что их имен я ну никак вспомнить не мог. Видно, крепко вчера на зеленого змия наступил. Зачем, спрашивается? И зачем на этих девиц польстился? Не понимаю. Они даже после ванной тянули максимум на гривенник, а я им сто баксов отвалил. Щедрый. Интересно, почему я сразу двоих в кровать затащил? Избыток чувств? Вулкан гормонов? Черт знает.

Я допил кофе, отодвинул от себя кружку и прошел в спальню. Достал сумку, открыл шкаф и выбрал самое необходимое в дорогу. Потом тоже вышел из квартиры, закрыл дверь и поскакал вниз по лестнице. То ли душ помог, то ли крепкий кофе, то ли все вместе, но даже эта скачка уже не вызывала дикой, как бурый медведь, головной боли.

Вопли я услышал, когда спустился до второго этажа. Три мужских голосища орали, соревнуясь, у кого получится громче. Для семи часов утра можно бы и потише. Дело явно было нечисто, и я, подобрав руки в ноги, перешел на галоп.

Во дворе меня дожидалась чудесная картинка: двое в черном, похожие на ангелов смерти, только без крыльев и всего остального, пытались вытащить из поджидавшей меня машины человека. Человек вытаскиваться не хотел, упирался,

чем Бог послал, и визжал, но ему было неудобно – ангелы ухватили его: один за руку и за грудки, второй за ногу и за ворот, и было видно, что человеку в салоне так не удержаться.

Ангелы тоже вопили что-то непонятное. Рядом стоял темно-вишневый «Мерседес», и в нем сидел наблюдатель – лысый тип гаденького вида. Он с увлечением пережевывал папиросу и смотрел за операцией извлечения.

Такая зарисовка с натуры мне совсем не понравилась. Человек – не заноза. Если он не желает откуда-то вытаскиваться, значит, у него есть на то веские основания. Тут не силой брать надо, но нежностью, лаской. А парни в черном о таких понятиях, видимо, слыхом не слыхивали. И я закричал на них:

– Эй, вы! А ну, поставьте, откуда подняли!

Они даже не глянули в мою сторону. Визжа, продолжали свое дело. Я побежал к ним, предусмотрительно бросив сумку поближе к машине, чтобы освободить руки.

Гаденький тип беспокойно завошкался в своем «Мерседесе» и попытался выбраться наружу. У меня возникло подозрение, что он хочет мне помешать, поэтому я резко сменил направление движения и, прыгнув вперед, двумя ногами ударил в дверцу темно-вишневого автомобиля.

Лысого защемило. Причем основательно. Он успел вылезти только наполовину, а потому между дверцей и каркасом попала как раз та самая деталь его организма, которая обычно наиболее восприимчива к боли. А именно – лицо.

Вскочив, я отряхнул штаны и снова направился было к ребятам в черном. На лысого даже не взглянул, догадываясь, что с него теперь, кроме анализов, и взять-то нечего.

Но бежать никуда не пришлось. Азазелы, при виде такого поворота событий, забросили визжащего человека обратно в салон и направились ко мне. Решительно, словно танки на полигоне. На костяшках одного сверкнул кастет.

Я подрастерялся. Во-первых, у меня под рукой не было ничего, чем можно было бы отбиться от ребят, а во-вторых, я был с похмелья и, естественно, не совсем в форме.

А чернявые между тем приближались, приближались и, наконец, приблизились. Кастет рванулся в мою сторону, но я успел пригнуться и с изяществом барана долбануть его владельца головой в живот. Тут же откуда-то сбоку прилетела нога и весьма чувствительно, – но по всей длине, что заметно смягчило удар, – приложилась к моему туловищу. Обхватив ногу обеими руками, я всем своим нелегким телом навалился на нее сверху. Громко хрустнули кости, и псевдокаратист отчаянно завопил от боли.

Я снова вскочил на ноги и снова попал под атаку кастета. Я не спортсмен, а потому не успел толком увернуться – удар пришелся в плечо. Меня обожгло болью и злобой. Протянув руку, я схватил кастетчика за роскошное ухо и рванул вбок и вниз. Тот потянулся за ухом и упал на землю. Трижды пнув ногой тело, я выругался и бегом побежал к своей машине.

Человечек на заднем сиденье забился в угол и, наверное,

стучал зубами от страха. Не знаю, не стал прислушиваться. Схватил сумку, бросил тело за баранку, и, врубив зажигание, лихо развернулся на пяточке и пулей вылетел на улицу. Все эти разборки прямо во дворе не добавляли мне уважения в глазах соседей, и без того косившихся в мою сторону достаточно подозрительно.

Удар кастетом пришелся в правое плечо, соответственно не действовала у меня правая рука, что было весьма обидно. Вернее, она действовала, но с громким скрипом. Для того, чтобы переключать скорость, приходилось каждый раз покрепче стискивать зубы, удерживаясь от вопля.

Какой-то педик попытался подрезать меня перед самым светофором. Ничего у него не получилось, потому что мне совсем не понравился этот замысел. Я прибавил газу, высунулся в окошко и обругал его похабными словами. Он не обиделся, сбросил скорость и пристроился у меня в хвосте.

Человек на заднем сиденье молчал, и мне в конце концов стало немножко не по себе от этого его подозрительного молчания. Я не выдержал и сказал:

– Меня зовут Миша Мешковский. Сокращенно – Мишок.

Несколько секунд он молчал, видимо, переваривая услышанное и соображая, стоит ли мне отвечать, потом все же ответил:

– А меня – Леонид Сергеевич.

Я прикусил губу. Леонид Сергеевич, значит. Добро. На все десять оплаченных дней в дороге – Леонид Сергеевич.

Строго официально и никак иначе. Нечто вроде злого барина. Но носки я ему стирать не собирался, факт.

После такого заявления у меня пропало всякое желание поддерживать беседу. Я заткнулся и принялся крутить баранку молча. Докрутил до следующего светофора, а там вдруг загорелся красный свет. Пришлось остановиться.

Педик, шедший следом, вырулил на соседнюю полосу, притормозил рядом и посмотрел в мою сторону. Потом улыбнулся, демонстрируя гнилые зубы в безуспешной попытке соблазнить меня. Ужасное зрелище. Я отвернулся и стал смотреть в другую сторону.

Неожиданность случилась за миг до того, как загорелся зеленый свет. Я уже держал руку на рычаге переключения скоростей и готов был стартовать, когда за моей спиной заверещали. Леонид Сергеевич, разумеется. Он в этом деле мастер, после событий в собственном дворе у меня не было никаких сомнений.

С перепугу я все перепутал и вместо передней первой включил заднюю передачу. Машина резко рванула в обратном направлении, и подпиривший меня своим «Жигуленком» дедок отчаянно засигналил, но было уже поздно. Мой задний бампер врезался в его передний с неприятным звуком, почти заглушившим вопли Леонида Сергеевича. Почти, да не совсем.

Зато с этим делом вполне управились четыре выстрела, стройным рядом прогремевшие слева. Дедок в «Жигуленке»

от удивления перестал сигналить, а перед моими глазами лобовое стекло покрылось мелкой сетью трещин, но так и не рассыпалось, за что я был ему премного благодарен, но – потом.

Стрелял гомик с гнилыми зубами. Пистолет в его руке, очевидно, и навел Леонида Сергеевича на мысль слегка повизжать. И, если бы я не сдал резко взад, дело могло закончиться плачевно. Я рассердился. Включив-таки переднюю передачу, вывернул руль и, вдавив в пол педаль газа, рванул в сторону гомика.

Тот, понимая, что его затея не выгорела, тоже сорвался с места – от греха подальше. И успел улизнуть из-под самого носа моей «Тойоты». Я, однако, оставлять дело без последствий не собирался и сел ему на хвост. И сидел там квартала четыре, пока Леонид Сергеевич, восстановив после визга дыхание, не выдохнул сердито:

– Оставь его в покое!

Я пожал плечами: воля клиента – закон для подрядчика, и свернул туда, куда направлялся с самого начала, а именно – на дорогу, ведущую за город.

И снова за спиной раздались странные звуки, что уже заставило меня поежиться. На сей раз это был треск. Я взглянул в зеркальце заднего вида, ожидая увидеть очередную пакость, но это был всего лишь Леонид Сергеевич. Отчаянно стуча зубами, он старался подхватить с ладони ловко ускользающую таблетку. Очевидно, валидол. Нервный, в общем,

мужик попался. Скоро и я таким стану.

Когда ему наконец удалось справиться с этой нелегкой задачей, я, словно невзначай, поинтересовался:

– И часто теперь такие хипеши будут?

– Ты крути баранку! – зло бросил он. – Тебе заплатили деньги, вот и крути.

Я слегка рассердился. Ну, да, заплатили, ну и что? Разве после этого я автоматически лишуюсь права голоса? С таким отношением куда лучше и спокойнее будет вернуть задаток, вручить руль пассажиру, а самому отправиться домой. Но я решил пока не делать этого – в следующий раз, если таковой случится.

Ехать молча было весьма неуютно. Во-первых, потому, что я к этому не привык, а во-вторых, потому, что во мне все больше и больше росло раздражение на Леонида Сергеевича. Скрипя зубами и суставами, я молча вел машину, пытаюсь сообразить, правильно ли сделал, послушавшись злого окрика пассажира и отказавшись от преследования гомика с гнилыми зубами. Поступи я по-своему, мог бы узнать много нового, даже, наверное, весьма интересного о тех, кто Леонида Сергеевича преследовал. Если бы догнал.

У клиента, конечно, был свой резон: рвать когти, пока не замочили. Чем меньше мы будем отвлекаться, тем дальше уедем. Если, однако уедем – с такой политикой особо не разгонишься. Тот же педик, обогнав нас на кружной дороге, что теоретически было вполне возможно, мог выскочить из-за

ближайшего угла и – попытка не пытка – повторить свой огнестрельный номер на «бис». А может быть, даже и на «браво».

Так что, как ни крути, а я со всех сторон оказывался правым. Леонид Сергеевич, соответственно, не правым. И вообще он мне все больше не нравился.

Машин на трассе было не сказать, чтобы очень много, скорее даже, очень немного, так что я спокойно шел на скорости изрядно больше шестидесяти км/ч, на всякий случай покручивая головой по сторонам – а не проявится ли где товарищ гаишник, работа которого состоит в том, чтобы делать честным водителям вроде меня разные нехорошие пакости, как то: штрафовать, изымать права, портить нервы, сворачивать кровь и далее в том же духе. Честным водителям все это было совершенно не по вкусу, но поделаться они ничего не могли, поскольку рангом не вышли.

В это утро мне, говоря откровенно, повезло. Стражи дорожного порядка дрыхли, считая, что свой долг перед государством они выполняют гораздо лучше, если выйдут на трассу, скажем, под вечер.

Так что я без помех пролетел через весь город при полном попустительстве властей, и довольно скоро оказался на загородном шоссе, где вздохнул более или менее свободно. Опасность внезапного появления гомиков с гнилыми зубами и нехорошими намерениями относительно Леонида Сергеевича – а прицепом и меня, любимого – стала намного рас-

пльвчатее.

С радостью осознав сей факт всем своим организмом, – начиная от кончиков волос поверх кожи и заканчивая слепой кишкой, которую мне так и не вырезали вовремя, – я решил, что стоит предпринять еще одну попытку завязать душевный разговор с Леонидом Сергеевичем.

– Эй, пассажир! – весело сказал я в зеркало заднего вида. – Радуйся. Кажется, натурально, вырвались. С тебя бутылка.

– Тебе заплатили аванс, – холодно обронил тот. – Так что закрой рот и крути баранку.

Я скрипнул зубами, но решил подойти с другого конца:

– Слушай, а что это они за тобой охотятся? Ты что, такая важная птица гусь?

– Крути баранку! – повторил Леонид Сергеевич, и я таки не выдержал:

– А вот хрен ты угадал! Ты что, полагаешь, что я за эти копченые три штуки баксов жопу тебе вылизывать буду? Да в гробу я видал, в белых тапках на босу ногу. Я контрактов не подписывал, так что выложу сейчас баксы, остановлю машину и пойду домой. Понял? И мне хорошо, и тебе хорошо – если ты в мою сторону слово кинуть запаadlo считаешь, то будешь кидать его в собственные уши.

– Да ты чего? – тревожно спросил Леонид Сергеевич. – А кто меня повезет?

– Машина тебя повезет, – весело пояснил я. – Сядешь на

переднее сиденье, нажмешь сандалякой на педальку и – ту-ту! – поминай, как звали.

Я довольно усмехнулся. Миша Мешковский – я это всегда знал, но сейчас убедился еще раз – был действительно умным парнем. Он нашел бы выход даже из насквозь закупоренной бочки, запихай его туда кто. А мысль мне действительно понравилась – те две с небольшим сотни «зеленых», что успел потратить, я, по собственному компетентному мнению, уже отработал, дважды подставляя свою драгоценную задницу ради спасения слишком гордого хуцпана, которого мне подсунул роялевидный крепыш. Так что моя совесть по этой части была чиста, как слеза младенца.

Обрадовавшись открывающейся перспективе, я даже засунул было руку в карман, нащупывая баксы с твердым намерением вернуть их и избавиться от лишней головной боли. Но сделать этого не успел – из-за поворота на более чем приличной скорости вылетел ГАЗ-53 с будкой, вильнул, выравниваясь и, нащупав носом нужный курс, помчался мне наперерез.

Леонид Сергеевич снова заверещал сиреной. Но я уже не обращал внимания на его вокальные изыски – собственная шкура была куда дороже, чем наслаждение совсем немusыкальным визгом пассажира.

Все происходило довольно тупо. Может быть, потому, что на дороге я чувствовал себя, как рыба в воде, никаких эмоций я не испытывал, действуя совершенно автоматически.

Для начала притопил педаль тормоза и вывернул баранку. Машину слегка развернуло, и я газанул, проскочив не просто рядом с ГАЗом, а протерев его боком, как сука кобеля во время течки. Парень, сидевший за рулем грузовика, явно не ожидал такой подлости с моей стороны. Он тоже попытался изменить курс, но тяжелая машина, шедшая на изрядной скорости, такого обращения не потерпела. Она попробовала пойти юзом, но в виду неудобства подобного способа передвижения опрокинулась сперва на бок, а затем на крышу.

Довольный собственной проделкой, я затормозил у самой обочины и обернулся, чтобы посмотреть на поверженного врага. Нервы Леонида Сергеевича не выдержали в очередной раз. Набрав полные легкие воздуха, он наклонился ко мне и, сделав паузу, заверещал в самое ухо:

– Поехали отсюда! Быстрее!

– Заткнись, понял, да? – спросил я. Хватит с меня и зеленых «Жигулей», которые проворонил из-за него в городе. Теперь терять свой шанс я не собирался. Мне позарез нужна была информация. И, раз уж пассажир таковой делиться не собирался, я намеревался ею разжиться, добравшись до водилы ГАЗа.

Автоматная очередь, прогремевшая из рощицы близ дороги, поставила крест на этих планах. Стрелок оказался аховым и в машину ни разу не попал. Я, парень хваткий, этим воспользовался, хоть и перепугался не на шутку. Напрочь затоптал педаль газа и поспешил покинуть опасное место,

что оказалось довольно простым делом – стоило проскочить поворот, как мы оказались вне сектора обстрела.

– Говорил я тебе? – простонал из-за спины Леонид Сергеевич. – Говорил?

– Ой, ну я тебя как брата по разуму прошу – не стони! – попросил я. – Лучше скажи – часто это будет повторяться? Клянусь центральной нервной системой дедушки Ленина, – земля ему пухом, если таки похоронят, – кабы я знал заранее, что будет та-а-кой хипеш, я бы с собой упаковочку подгузничков прихватил.

– Говорил же я тебе! – продолжал хныкать пассажир. – А ты не послушал!

Скрипя расшатанными нервами, я притормозил у обочины и быстро сунул руку под сиденье. «Беретта» была там. Слава Богу, я таки вспомнил о ней. Вытащив ствол на свет Божий, я обернулся к Леониду Сергеевичу:

– Ну, так как? Часто такая канитель повторяться будет?

Увидев оружие в моих мужественных руках, он стал разноцветным, как полотно Сальвадора Дали и растекся по заднему сиденью.

– Не знаю я!

Клянусь остатками своей совести, которой у меня отродясь не бывало, он превратно истолковал мои действия. Я просто хотел переместить пистолет поближе к телу, чтобы легче было вынимать в случае надобности. Провернув эту операцию с блеском, я смерил трусливого спутника задум-

чивым взглядом. Тот был насмерть перепуган и, скорее всего, утратил львиную долю своей былой спеси. Поэтому можно было ожидать, что он ответит на любые мои вопросы. И я рискнул задать первый:

– Ты кто?

– ?! – он вытаращился на меня с таким видом, словно я попросил его объяснить половое строение мамонта.

– Ты кто есть по специальности? По слогам повторить?

– Не надо. Адвокат я, – он с мольбой посмотрел на меня. – Поехали, а? Разве ты не понял – они убьют меня, как только представится возможность!

– Если и убьют, – вполне резонно возразил я, – то только вместе со мной.

Однако с места все-таки двинулся. В одном Леонид Сергеевич был прав – если им представится возможность, то упустить ее они не будут.

3

Леонид Сергеевич разговорился. Последний хипеш, видимо, подействовал на его нежную душу примерно так же, как действует капля серной кислоты на кошачью задницу: ее начинает разъедать и появляется непреодолимое желание сказать что-нибудь, – хотя бы только «мяу!», но громко. И мой пассажир, подвывая и глотая пригоршнями слюни, иногда прямо с обрывками слов, принялся высказывать все, что раздирало ему глотку.

– Черт меня дерну-у-ул! – начал он, хоть и заунывно, но так издалека, что я даже сперва не понял, к чему он клонит. – Это в прошлом году было, когда Бебича пристрелили. Ну, когда стрельбу на Каховской устроили, помнишь? Вот тогда его и пристрелили. Уы-ы-ы! – Он завыл, потом принялся выстукивать зубами что-то похожее на азбуку Морзе, хоть и не так ритмично.

А я, натурально, помнил. Хипеш был знатный. Братва, собравшаяся в парке культуры и отдыха, принялась играть в войнушку, стрелять из автоматов и даже слегка из гранатометов, в общем, вести себя, как немцы в сорок втором под Сталинградом. Правда, вся их пальба ни к чему конкретно не привела. Они изнахратили пулями кучу деревьев, парочку разворотили гранатами, из гранатомета же попали в статую бабы с веслом, после чего баба осталась не только без

весла, но и без головы. Менты, прибывшие на место народной гулянки минут через пятнадцать, нашли чертову уйму использованных автоматных гильз, но ни одного расстрелянного автомобиля и ни одного трупа, если не считать трупа того самого Бебича. Только о том, что этот труп принадлежит Бебичу, тогда еще никто не знал. Потому что сперва им пришлось изрядно поломать голову в попытках разобраться – что же с ним случилось? Впечатление было такое, что к телу в районе пуповины привязали атомную бомбу, а потом взорвали, так что кроме пуповины ни одной целой части практически не осталось. Опустили Бебича недели через две по золотому зубу, на коронке которого было вытравлено: «Потускнеет – похмелись», и по кисти правой руки, где по фалангам пальцев шла татуировка, несшая миру великую в своей простоте мысль: «Бабы суки». И, хотя Бебич от чистого криминала давно отошел – едва ли не раньше всех остальных городских авторитетов, – и в последнее время почти никому, кроме себя, не был интересен, эпическая кончина снова заставила говорить о нем каждого второго жителя города.

Но я, извиняюсь, в том хипеше не участвовал, хотя хотелось бы хоть одним глазком взглянуть – уж больно все весело было. Впрочем, у меня было оправдание: я тогда момент лежал в кровати и старался как можно быстрее срastить ногу, сломанную в неравной борьбе с открытым канализационным люком.

А Леонид Сергеевич тем временем продолжал, наполови-

ну по-русски, наполовину морзянкой, рассказывать печальную историю своей жизни, добиваясь, чтобы я, расчувствовавшись, пустил по этому поводу солидную мужскую слезу. Но я, черствый, как силикатный кирпич, упорно не плакал.

– Меня Пипус нанял, – стонал Леонид Сергеевич. – Его менты начали прессовать. Говорили, что это он перестрелку организовал. И что это его люди Бебича кончили. В общем, стали вешать на него это дело. А ему это не понравилось. И он нанял меня. Мы с ним одноклассники. Даже дружили в свое время. Вот он ко мне и обратился. У меня ведь адвокатская контора.

Я с удивлением слушал его завывания, гадая, расскажет он мне всю историю своей жизни, начиная с того памятного вечера, когда родители зачали его при неверном свете керосиновой лампы, или ограничится периодом с первого класса, который он закончил с красным дипломом. Впрочем, с чего бы он ни начал, связать его биографию в стройное повествование я бы все равно не смог – он перескакивал с одного на другое и вообще был похож на воробья, накурившегося марихуаны.

– Я сдуру, по дружбе, и взялся его защищать. Если бы знал, что из этого получится, ни за что бы не согласился! – бился в истерике пассажир. – Мы только и успели, что договор с ним подписать – и его взяли под стражу. Я добился, чтобы Пипуса выпустили под подписку о невыезде, и принялся копать. Он заплатил мне хорошие деньги, и я обязан

был их отработать. И я докопался! Я узнал, кто организовал убийство Бебича! Но когда я попытался назвать имя, за мной начали охотиться. Дважды избивали и забирали все документы, которые я носил с собой. Первый раз – их было двое – они напали на меня в подъезде моего дома, сломали ребро и наставили синяков. После этого Пипус приставил ко мне охрану, которая присматривала за мной по дороге из дома на работу и с работы домой. Но они заявили ко мне в контору, и их было уже четверо! Они пробили мне голову пресс-папье, сломали два пальца и перерыли все в кабинете. Но я не дурак – документы по делу Пипуса лежали в сейфе в квартире моей любовницы. Они ничего не нашли! Я, конечно, обратился в милицию по факту избиения, но ведь наша доблестная милиция такие дела если и раскрывает, то только нечаянно.

Я порадовался тому, что Леонид Сергеевич себя дураком не считает, хотя сам бы не торопился ставить диагноз – все-таки образование слегка не то, не профильное. А вот его оптимизма относительно родной милиции не разделял. Потому что доподлинно – на собственной шкуре – знал, что если ей, милиции, будет нужно, она мобилизуется полным составом и найдет иголку в стоге сена. Другое дело, что далеко не всегда ей это было нужно.

– Они раза три меня на опознание вызывали, но каждый раз подсовывали каких-то бомжей, – стонал между тем Леонид Сергеевич. – А я – человек занятой, у меня работа, мне

некогда отвлекаться по пустякам. В конце концов эти безрезультатные походы меня разозлили, я им так прямо и сказал. Они пожали плечами и вообще перестали меня вызывать.

Адвокат задохнулся от возмущения и взял передышку, предоставив мне возможность переварить всю ту кашу, что он впрыснул в мои уши.

А переваривать, сказать – не соврать, было что. Для начала меня интересовал – грубо, до неприличия – такой вопрос: отчего же Леонид Сергеевич, коли к племени дураков себя не причисляет, попросту не отдал папку с документами, указывающими на реального убийцу Бебича, в милицию? Ведь, судя по всему, бояться было нечего – милиция к организации перестрелки, равно как и к заказу на убийство, никакого отношения не имела, все это было от начала до конца работой каких-то криминальных структур, которые решили одним выстрелом уложить двух зайцев – устранить одного конкурента посредством убиения, а второго – свалив на него вину за оное. Я был уверен в этом, поскольку крепыш, подсунувший мне эту милую работенку, не имел резона обманывать меня, говоря, что ни госбезопасность, ни милиция операции никоим боком не касаются. А посему, внося ясность в указанный вопрос, я поинтересовался:

– Слушай, Леонид Сергеевич. Ты вот человек жесткий, деловой, у тебя адвокатская контора и ты даже в туалет лишний раз стараешься не отлучаться – время экономишь. Со мной, с быдлом, иначе, как сквозь зубы не разговариваешь...

Так можно мне задать тебе один вопрос, ты уж не обессудь и не бей меня сразу по темени: кто заказал Бебича? И каким боком этот Бебич вообще к Пипусу прислонен?

Взглянув в зеркало заднего вида, я увидел пару сверкающих глаз, с каким-то труднопередаваемым чувством уставившуюся мне в затылок. Так смотрит удав на ежика, гадая: сожрать? Не сожрать? Проглочу или он таки в горле застрянет?

Какие мыслительные процессы протекали в умной адвокатской голове – не знаю, а гадать не берусь. Но, очевидно, решив для себя что-то, Леонид Сергеевич все-таки разлепил губы и сказал:

– Не скажу. По крайней мере, пока.

– Ну и глупо, – сказал я. – Мы теперь с тобой в одной лодке, и когда стреляют в тебя, будь уверен, в меня тоже могут попасть. Так что будет куда умнее, если скажешь. Это хоть что-то дало бы мне в плане информации. А информация – ключ к победе. Кстати, не я придумал. Какой-то полководец. Умный мужик. Не чета некоторым. Так что советую к его мнению прислушаться.

– Какой смысл? – вздохнул адвокат. – Допустим, назову я тебе имя заказчика – что изменится? В этом деле замешаны такие авторитеты, что имена называть боязно. А я не уверен, что ты знаком хоть с одним из них, даже самым завалющим.

– На счет завалющих, – я кивнул, – спорить не стану. Наверное, не знаком. Я знаком с Пипусом. В свое время имел

ни с чем не сравнимое удовольствие общаться накоротке, если тебе это о чем-нибудь говорит, с Каром, еще – с Эфиопом, еще – с Циркулем, Пистоном, Каменной. В конце концов, я не такой домосед, как кажется. Правда, вышеперечисленные товарищи давно безвременно ушли от нас, скатертью им дорога, но это не значит, что мое с ними общение было лишено приятного. Можешь поверить на слово. Если хочешь.

– А откуда ты знаешь Пипуса? – догадался поинтересоваться пассажир.

– Да вот, – неопределенно протянул я. – Жизнь иногда такие коленца выкидывает, что и не знаешь, с кем завтра познакомишься.

– А поконкретнее можно? – отражение Леонида Сергеевича в зеркале заднего вида капризно надуло губы. У-тю-тю, противное.

– Оно, конечно, можно и поконкретнее, – согласился я. – Только это слегка нечестно получается, не находишь? От тебя конкретики – как от эскимоса шерсти, а я все выкладывать должен. Еще бы дашь на дашь, и чтобы да, так ведь нет. Ты под хитрого работаешь, а с чего ты взял, что я под дурака должен?

Леонид Сергеевич крякнул от досады, и размашисто, как усталый боец – штык в землю, всадил указательный палец в свою правую ноздрю. Поковырявшись там, он весьма интеллигентно вытер перст о штанину и буркнул:

– Черт с тобой, уговорил. Расскажи, как ты познакомился

с Пипусом, и я скажу, кто заказал Бебича.

– Это уже другой разговор, – согласился я. – Хотя тебе, через твою вредность и строптивость, полагалось бы первому рассказывать. Ну, да ладно. У меня душа добрая и отзывчивая, хоть и надоела она мне такая. Так что я расскажу, а ты послушай.

Вы, наверное, сейчас будете крутить пальцем у виска, топтать ногами и кричать, что я свихнулся. Ничего подобного. Миша Мешковский, хоть и стучался головой о всякие твердые и острые предметы бесчисленное количество раз, ясность ума сохранил кристальную и стройность мысли – просто изумительную. Такой в свое время даже Эйнштейн не мог похвастаться, хотя скрипач, помнится, был отменный.

В общем, рассказывать Леониду Сергеевичу правду я не стал. Не потому, что в ней было что-то настолько интимное, как раз нет. Об этой истории столько сокрушались газеты, включая телевидение и радио, – правда, меня при этом не упоминая, потому что я ловко, хоть и не без некоторого покровительства со стороны ментов, замаскировался под несчастный случай, – что все интимные места давным-давно были просвечены под рентгеном. Просто, слегка пораскинув своим блистательным мозгом, я решил, что пассажир мой все равно ни в одно слово не поверит, расскажи я ему правду, только правду и ничего, кроме правды. С другой стороны, имея столь нервный характер, он легко мог впасть в состояние опасного для окружающих возбуждения, поскольку

правда была, хоть и не ужасна, но все-таки довольно страшновата. И я, немного посомневавшись, решил взять грех на душу и слегка наврать Леониду Сергеевичу. Прости, Господи, мою бессмертную душу.

– В общем, если говорить откровенно, – начал я издали, – то все довольно просто. Пить меньше надо. Мне или Пипусу – это уже на выбор. Скорее, обоим сразу. А то получилось, что мы с ним по пьяной лавочке столкнулись. В казино «Золотое Зеро». Там как раз один мой хороший друган день рождения отмечал. Ну и, само собой, всю нашу братву на чарку коньяку пригласил. Пригласил всех, а играть к рулетке я один пошел. Что-то не подумал, что она круглая, да и шарик без углов, так что всякое может случиться. Короче говоря, проигрался я там в пух и прах. Пьяный был, душой, все, помню, на «красное» ставил: по закону вероятности, думаю, должно же в конце концов повезти. А оно только два раза на «красное» и выпало. Отменили закон в тот вечер. В общем, спустил все, что с собой было, а было, как сейчас помню, немало – тысяч десять. Короче, я проигрался, а выиграла все мои денежки – да и не только мои – какая-то дамочка в синем платице. С ней дядька был кривоногий, тоже примерно как я, пьяный. Только он как раз по этому случаю и не играл. В отличие от меня, получается. Так вот этот дядька мне, как самому проигравшему, средний палец показал. Понимаешь, что это значит? Америкосы так друг дружке о нетрадиционной сексуальной ориентации сообща-

ют. На самом деле ничего подобного близко не было, поэтому я разозлился. К тому же после проигрыша в расстроенных чувствах был. Вытащил я дядьку на улицу, стукнул лбом в переносицу, сам рядом присел – отдохнуть, подумать, как дальше жить. А тут эта дамочка – то ли кавалера своего заждалась, то ли в казино ей надоело денежную пыль глотать, только выскочила она на свежий воздух. Выскочить-то выскочила, да по сторонам не огляделась. А тут два хуцпана к ней – шашть. Мол, давай, красотка, деньги, у тебя их все равно для одной много, не унесешь. Я это дело хорошо видел, а они меня – нет, мы с кривоногим под пожарную лестницу зашли, в тенек. Ну, дамочка, само собой, отбиться пыталась, что-то из сумочки хотела достать. Но те двое такие гады попались: грубые и невежливые. Один ей рот рукой зажал, второй за волосы схватил. Заломили руку за спину и потащили – аккуратно в нашу сторону. Они ж не думали, что я там сижу и им хипеш готовлю. Поэтому, собственно, поделать ничего не успели – полегли, как революционеры у стен кладбища Пер-Лашез, гордо и безмолвно. Потом, когда кривоногий в себя пришел, он долго передо мной разлагался – мол, извини, что я тебя оскорбил и спасибо, что ты мою бабу выручил. Это, кстати, и был Пипус.

Я замолк и посмотрел в зеркало заднего вида. Судя по всему, рассказанного Леониду Сергеевичу вполне хватило. Не слишком кроваво и не очень растянуто. К тому же и не вранье – по большому счету. Просто один небольшой эпизод из

нашей с Пипусом совместной деятельности, правда, слегка видоизмененный. Рассказывать, что было дальше, а именно – как Пипус, горячий и колючий, как Вилья-Сапата, открыл охоту на обидчиков своей дамочки, а те, в свою очередь, попытались отомстить мне, и, в общем, такая каша заварилась, что у меня еще две недели болела голова, я не стал. Этого нервный адвокат не вынес бы.

– А после этого ты с Пипусом отношения поддерживал? – спросил он, помолчав минуту.

– Само собой, – кивнул я. И, чтобы правдоподобней выглядело, изящно соврал: – Мы после этого семьями дружить стали. На природу часто вместе выезжали, шашлыки жрали.

– Кхе, – сказал Леонид Сергеевич. – Гм. Ну да. Понимаю. Что-то вроде фронтового братства.

– Вот именно, – сказал я. – В самую точку. Так что теперь, хочешь-не хочешь, твоя очередь колотиться.

– Ну, ладно, – тяжело вздохнул он. – Уговор есть уговор. Ты свою часть выполнил, теперь моя очередь.

Натурально, я чуть не бросил баранку, чтобы разрыдаться у него на груди. Потрясающее благородство! Истинный пример человека чести, который предпочитает без наркоза сожрать пару килограммов красного немолотого перца, чем не сдержать данного прежде слова. Учись, молодежь! А то вымрут такие вот леониды сергеевичи, и с ними ахнется генфонд нации. Жалко будет до слез.

Однако ждать, пока он решится открыть свою страшную

тайну, пришлось еще довольно долго. Минут пять пассажир делал умный вид, пережевывая что-то, скорее всего обыкновенный кислород, и только потом, когда ждать мне стало невмоготу и я вознамерился при помощи матерных слов и у него же позаимствованного визга поинтересоваться, когда же он, мать его жаба, прекратит издеваться надо всем рабочим классом в моем единственном лице, адвокат вздохнул:

– Генерал Коновалов.

Удержаться от мата мне все-таки не удалось. Выдохнув из легких весь воздух точно так же, как это сделал минутами ранее Леонид Сергеевич, я заорал примерно следующее:

– Вашу мать да через вашу прабабушку! Что же вы, сволочи, со мной, молодым да несмышленным, делаете?! Я же того голя, который мне эту шару отработать предложил, спрашивал: милиция или госбезопасность замешаны? Так же он сказал, что таки нет! И я ж ему, гаду, поверил! Короче, думаю я такую мысль. Идите вы все рощицей, а я лучше отправлюсь домой. Мне так на душе уютнее будет. Если вы мне на каждом шагу врете и другие палки в колеса вставляете, то я думаю, что имею право на ответную подлянку.

– Да погоди ты, не кипятись! – взревел Леонид Сергеевич. Такого голоса из его, простите, рта, я еще ни разу не слышал, а потому заткнулся, желая узнать, что же умного он мне скажет. И адвокат действительно выдал на-гора такое, отчего у меня на душе если и не бальзам разлился, то во всяком случае, гораздо легче стало: – Это не тот генерал Коновалов, что

в управлении работает. Это директор авиакомпании.

Слегка отдышавшись, я уставился в зеркальце, висевшее чуть выше и левее моей физиономии, ловя ускользящий взгляд пассажира.

– А он что, тоже генерал?

– Да, генерал! Гражданской авиации.

Я, в принципе, больше ничего не спрашивал. Но Леонида Сергеевича снова прорвало. Слова хлынули из него неконтролируемым потоком, из чего я заключил, что подобная дребедень будет с определенной периодичностью случаться на протяжении всего пути. Как у других имеют место неконтролируемые припадки падучей, так у Леонида Сергеевича – словесный понос. Как-то не особенно раньше водил дружбу с юристами и прочими адвокатами, но готов допустить, что это их профессиональная болезнь. Из той же серии, что геморрой для таксистов.

– Они с Бебичем привокзалку не поделили. Вообще-то генерал раньше в торговые дела не вникал, побочного бизнеса сторонился, работать старался по закону. Ну, разве от налогов какие-то суммы скрывал, но все это делал осторожно, не придерешься. На него ревизий десять в год насылали – ничего найти не могли. А Бебич в это время в силу вошел – все крупные газетные россыпи под его началом были: либо сам владел, либо в аренду сдавал, либо крышу держал. И еще куча киосков всяких. Курочка по зернышку, копеечка к копеечке. В сутки с ларька – по тысяче чистыми. А таких

ларьков – несколько сотен. Вот и считай. В итоге солидная сумма набегала. Понятно, что он и привокзальную площадь упустить не мог. К тому времени, как генерал за пределы своего бизнеса выйти решил, Бебич там уже три пятака обустроил – ларьков по десять на каждом.

Поначалу все было тихо-мирно. Генерал поставил шесть своих киосков, они там потихоньку торговали, прибыль у Бебича, кстати, не отбирали, – так, крохи малые, – но тому и этого жалко стало. Площадь около аэропорта – на балансе города, к авиалиниям отношение имеет только постольку, поскольку находится рядом. В общем, пришел однажды Бебич к генералу и показал тому документ, согласно которому все коноваловские ларьки находятся на территории, арендуемой Бебичем. Как говорится, жадность фраера сгубила. Генерал ему по-хорошему, по-христиански предлагал: давай поделимся. Все равно ведь, как ни крути, большинство твоих покупателей на привокзалке – мои пассажиры, так что совесть имей. Дескать, я, если захочу, смогу и заподляну тебе сделать. Урежу территорию зала ожидания, воткну туда кучу ларьков и павильонов – ты вообще в прогаре останешься. Внемли, говорит, голосу разума. Ну, а Бебич не внял. Решил, что худой мир хуже доброй ссоры, за что и поплатился.

– А какого хрена этот летчик-испытатель решил на Пипуса бублики покрешить? – уточнил я.

– А с Пипусом у него на другом фронте конфликт вышел, – уже куда охотнее, ибо в азарт вошел, объяснил Лео-

нид Сергеевич. – Пипус ведь нефтепродуктами занимается. Он раньше, когда у авиаторов дела хреновенько шли, и керосин по благу поставлял. А потом попросил разрешения у генерала заправку у авиавокзала открыть – место доходное. Коновалов зажался, тогда Пипус скрутил ему фигу и отказался керосин поставлять. Как Коновалов выкрутился – не знаю, но выкрутился, факт. А зуб у них друг на друга так и остался.

– Понятно, – кивнул я.

В самом деле, чего тут не понять – зуб как зуб. Эти новые русские и раньше-то благородством не блистали, за рупь готовы были глотки друг другу перегрызть, а уж если зуб на конкурента имеется, то кровь ему пустить – святое дело, а можно и другую какую свинью, системы «мина», подложить.

Наверное, хорошо, что это не тот генерал Коновалов, который вот уже два года верой и правдой охранял секреты родной страны, управляя областной службой государственной безопасности. С другой стороны, Коновалов-летчик тоже не подарок. Дело не в том, что я боялся ковровых бомбардировок или пике, которым он мог меня наградить, будучи авиационным начальником. Думаю, как раз в этом плане кишка у него была тонковата. Не станет же он посылать против меня кукурузники да ТУ-134 или как они там называются. Первые развалятся от перегрузок, вторые жалко. Опасность представляли его финансовые возможности. Авиационный генерал был начальником в такой сфере, кото-

рая предполагала огромный финансовый оборот. А где деньги, там и возможности всякие разные. В частности, кокнуть Леонида Сергеевича по дороге в Томск. Легко. Вместе со мной, разумеется.

И – вот незадача – единственное, что я мог ему противопоставить, это собственное желание выжить. Аналогичное хотение Леонида Сергеевича в расчет можно было не принимать. Толку с него – что с козла молока.

Вообще-то вся эта история, которая приветствовала меня небольшим, но познавательным мордобоем во дворе, а затем не давала расслабиться усилиями гнилозубого педераста в «Жигуленке» и неудачливого водителя ГАЗ-53, оставленного мной в раскоряченном виде посреди дороги где-то позади, с самого начала мало вдохновляла. Как-то все до пошлости было похоже на дешевенький боевик, где все построено на махании кулаками, погонях и перестрелках и только изредка перемежается парой-тройкой невнятных фраз или мимолетной, совершенно кошачьей постельной сценой. От последнего, впрочем, я бы не отказался, имел слабость, но этого почему-то не наблюдалось. Шлюхи с Набережной не в счет – во-первых, они случились до начала хипеша, а во-вторых, я постельных сцен с ними не помнил, ибо ром и виски. Или в обратной очередности. Так что удовольствия за врученные мне три штуки баксов я пока испытал мало.

В общем, в душе моей царил такая тоска, что просто грустно делалось, а Леонид Сергеевич (как собеседник – никакой) вовсе не стремился развеять ее. Он с головой погрузился в меланхолию, тупо уставившись в мой подголовник да время от времени похрустывал суставами пальцев. Подозреваю, что человек жутко переживал за свою драгоценную задницу, но даже это забавное обстоятельство не добавляло

мне оптимизма.

После бурного взрыва эмоций, когда он чуть было не выложил всю свою автобиографию, а также то, что за долгие годы жизни успел узнать о своих соседях по планете, адвокат заткнулся и стал похож на рыбу, которую, не предупредив, вытащили из бочки. Точно так же время от времени таращил глаза, открывал рот и напрягал плавники, всем своим видом показывая, что на сковородку не желает. Вполне законное требование к окружающему миру – насколько я знаю, никто не хочет на сковородку, так что Леонид Сергеевич в своем безумном желании был далеко не одинок.

Минут двадцать я крутил баранку, мирясь с окружающей тишиной, но потом не выдержал. Нет, я не стал орать благим матом песни или рассказывать вслух пошлые анекдоты. Просто вспомнил, что в любой уважающей себя иномарке должен присутствовать прибор, представляющий собой помесь магнитофона и радиоприемника. А имея его сидеть в тишине было глупо. Я пошарил глазами по приборной панели и нащупал магнитола. Потом протянул руку и щелкнул кнопкой. Лепота! В салоне, гнусаво бубня о пользе употребления сырой пищи, воцарился какой-то доктор. Прислушаться к идиотским советам я не собирался, но то, что он избавил меня от тишины и разогнал разные мысли, порожденные этой тишиной, радовало. Что чувствовал по этому поводу Леонид Сергеевич – Бог весть, доложить мне он забыл.

Под монотонный бубнеж доктора я успокаивался, пере-

живания по поводу недавней стрельбы, едва не отправившей нашу маленькую компанию из двух человек туда, куда до срока обычно не стремятся, сглаживались, руки тряслись все меньше и меньше. И вообще, я чувствовал себя почти человеком. Вы не поверите, сколько времени требуется отдельно взятому индивиду, чтобы привести в норму незапланированный выброс адреналина в кровь. Я, конечно, не медик, но подозреваю, что в этом виноваты далекие волосатые предки гомо сапиенса, которые предпочитали пожирание листвы и бананов доброму парному мясу. Вот, думается, через их нелюбовь к охоте в нас и не выработалось нужной реакции на события, подобные тем, чтостряслись со мной и Леонидом Сергеевичем.

Но постепенно, мало-помалу, я приходил в себя. Поджелудочная, наджелудочная и разные другие железы почти успокоились, оставалось только очистить кровь от прежних выбросов, но этим занималась уже селезенка. Хотя спорить не буду, может быть, и не она. Просто в данный момент я лучше всего ощущал именно селезенку. Работала, как бешенная.

Где-то в районе семьдесят шестого километра она засбоила. Потому что прямо по курсу стояла ментовская машина. Торчи она здесь одна, я бы даже глазом не сморгнул, возможно, еще и сплюнул бы в окошко, проезжая мимо. Но рядом стоял товарищ в сером, довольно неуклюже и даже, я бы сказал, неэстетично располосованный белыми ремнями

портупеи.

Стоял и тянулся по направлению к середине дороги вслед за своим жезлом. Знакомая история – хотел остановить меня на предмет проверки чего-нибудь. Чего именно – неважно, те, кто смотрит за порядком на дорогах, всегда найдут какой-нибудь непорядок. Проверено опытом. Сколько раз за свою водительскую карьеру я был останавливаем вот такими некрасивыми красавцами, которым не нравилась пыль на дверях моей машины или еще какая-нибудь мелочь. А на сей раз, и я это прекрасно понимал, меня действительно было за что останавливать. Чтобы не только штраф впать, но и права, ежели такое желание возникнет, отобрать. Потому что я, во-первых, помял в центре города бампер какому-то пенсионеру и скрылся с места происшествия. Стражей закона, полагаю, мало заботило, что меня в тот момент пытались радикальными методами лишиться клиента, а я именно потому убежал от крутой ссоры с обиженным дедушкой, что гнал за стрелком-неудачником. Во-вторых, я наследил и в совсем уж недавнем прошлом, уложив своими выкрутасами на крышу ГАЗ-53. В-третьих, со мной можно было начинать разбираться хотя бы потому, что лобовуха у «Тойоты» была вся в трещинах. Это, как известно, затрудняет обзор дороги, а менты такого не любят. Ну, а в-четвертых – и об этом я вспомнил только сейчас, – нужно было где-нибудь таки остановиться и заполнить доверку. Крепыш меня, кстати, предупредал. Так что я сам лопух.

В общем, поволноваться причины были. Проезжая последние метры перед неизбежной парковкой у натруженных ног гаишника, я убедил себя в том, что опасность представляет отнюдь не незаполненная доверка. По поводу нее можно было поднапрячься и слезно вымолить у сурового гаишника прощение. Скорее всего, придумал я себе, нашлась-таки сволочь, которая передала по трассе ориентировку на мою «Тойоту», и легкой дороги теперь все равно не видать. Начавшая было успокаиваться трясушка рук возобновилась, причем в удвоенном режиме – не то, чтобы еще и ноги задрожали, но зубы, когда я пристраивал машину метрах в двух за гаишником, поклацывали.

– Лейтенант Саркисян, – сказал мент, подойдя и почти просунув голову в приоткрытое окошко. – Ваши документы, будьте добры, – и взял под козырек.

Я мельком осмотрел его. Черт знает, Саркисян или не Саркисян. Ничего саркисянистого в нем не было – он был похож не на армянина, а, скорее, на финна. Но я решил поверить на слово. Почему бы и нет? Бывают и негры по фамилии Густавссон. К тому же он был вежлив, а на плечах имел красивые лейтенантские погоны.

Как бишь там говорил тот шустрый парень с ногами, как у рояля? Документы на машину в кармашке солнцезащитного щитка. В общем, там, куда их все нормальные водители кладут. Я поднял руку, отогнул щиток. В нем действительно чувствовалась объемистая пачка бумажек. И я искренне на-

деялся, что это не «кукла».

Однако в кармашке, слава богу, оказались именно документы. Контора, нанявшая меня, предпочитала играть по-честному. По крайней мере, со мной. Поэтому, выудив из общей кучи техпаспорт, я извлек из кармана собственное мое водительское удостоверение, предмет тихой гордости – все категории и ни одного прокола. Прокальвали другие удостоверения, а это вот уже в течение пятнадцати лет мне удавалось сохранять девственно чистым. Жалко будет, когда через пару лет придется получать права нового образца. На них, говорят, вообще ничего пробивать не будут. Просто отбирать. Конец эстетике!

Милиционер Саркисян принял документы и принялся изучать их – если не тщательно, то не без внимания. Первым делом уставился в удостоверение, сверив тамошнюю фотокарточку с моей физиономией. Видимо, совпало, потому что больше он от удостоверения не отрывался. Аж целую минуту. И за эту минуту его лицо стало кислым, как неспелая груша. Ни одного прокола? Жалко, жалко. Надо бы пробить, а то непорядок, да? Но пробивать, собственно, пока было не за что, хотя я потел и нервничал про себя. Однако правила движения мною не нарушались – во всяком случае, при Саркисяне. Все мои грехи лежали в иной области. И он, дотошная скотина, принялся выискивать их в техпаспорте. Дважды недоверчиво взглянул туда и радостно осклабился. Понятное дело – там стояло совсем другое имя, чего ж не радоваться?

– А где доверенность? – ехидно поинтересовался он.

Я тяжело вздохнул и принялся выискивать в кучке бумаг доверку, пытаюсь на ходу придумать историю пожалостливей – мол, невидимыми секретными чернилами заполнялась, или еще чего в том же духе. Но, найдя, скупно, по-мужски, прослезился и думать перестал. Потому что отпала необходимость – кто-то предусмотрительный уже заполнил ее по всем правилам, даже мой номер и серию паспорта вколотил. Где раскопытил? Впрочем, мало ли? Контора, подогнавшая мне машину, на мелочи не разменивалась, а значит, связи имела солидные. Что им паспортные данные какого-то бывшего таксера? Так, семечки.

В общем, я был на них не в обиде. Я радовался, что Саркисян поймел крутой облом и на этом фронте. Зато, как и боялся, внешний вид многострадальной «Тойотки» вызвал у него неподдельный интерес. Не выпуская из рук документов, лейтенант обошел машину спереди, неодобрительно покачал головой и поцокал зачем-то языком. Потом зашел сзади. Не знаю, что он обнаружил там – наверное, столкновение у городского светофора для моего автомобиля не прошло даром. Опять покачал и поцокал. Главное – постоянство во всем, даже в жестах. Берите пример.

Вернувшись обратно, он встал у водительской дверцы, посмотрел напоследок взятые у меня бумаги, потом мерзко усмехнулся и сказал:

– Боюсь, вам придется выйти из машины. Есть ряд вопро-

сов...

Если вы думаете, что он застал меня врасплох, то вы жестоко ошибаетесь. Еще когда он в первый раз начал щелкать языком, изображая белку за обедом, я понял, что мент Саркисян таки сделает мне какую-нибудь мерзость. Поэтому в ответ на его предложение я тяжело вздохнул, хлопнул руками по баранке и подчинился.

Выбираясь наружу, мельком взглянул в сторону ментовской машины. В салоне темнели еще два силуэта. Разглядывать их внимательнее я не стал, как не стал и придавать значение тому факту, что они вообще есть. А чего, в самом деле? Обычная ситуация. Милиция нынче пуганная стала, по одиночке на людях старается не появляться, чтобы не вводить во искушение разных хуцпанов и шлимазлов. Проломят голову, отберут пушку, иди и доказывай потом, что ты действительно милиционер и тебе хребет при исполнении переломили, а не верблюд и таким уродился.

– Что-то машина у вас в каком-то потрепанном состоянии, – сообщил мне Саркисян, дождавшись, пока я покрепче встану на ноги. И сделал общий жест – мол, смотри, какое безобразие. При этом слегка зацепил и окружающую среду, где безобразия не было в помине.

– А не повезло ей, – охотно объяснил я. Настроение после обнаружения заполненной доверки было хорошее. Разговорчивое такое настроение. – Дураку досталась.

– Вам, что ли? – усмехнулся Саркисян.

– Зачем мне? – удивился я. – Что, кроме меня в нашей стране дураков мало? Напарничку моему. Он, как не с той ноги встанет – каждый предмет в двойном экземпляре видит. Вот и врезается во что ни попадя. Иногда даже жалко становится. Не его, конечно – пусть хоть голову себе расшибет. Машину жалко.

– Документы у вас в порядке, – сообщил гаишник радостную весть, от которой моя душа чуть не захлебнулась в невесть откуда взявшемся бальзаме. Однако радоваться было рано. Да и вообще не стоило, как я понял немного погодя, когда стало совсем уже поздно что-либо менять. – Но ездить с таким ветровым стеклом... Вы хоть дорогу сквозь него видите?

– Вижу ли я дорогу? Вы улыбаетесь? У меня суперзрение. Меня однажды чуть в НАСА не завербовали, чтобы невооруженным глазом за советскими спутниками следил. Только я Родину задешево не продаю, поэтому до сих пор шоферу. А дорогу – можете, товарищ Саркисян, не сомневаться – я вижу. Я ее настолько прекрасно вижу, что даже вас с вашим, извините, жезлом, заметил.

– Ну да? – он снова сделал вид, что не верит ни одному моему слову, но потом передумал – оспаривать последний факт было глупо, поскольку я стоял перед ним, как неопровержимое доказательство. – Ну да. Допустим. Только у нас не всех в НАСА вербуют, есть и подслеповатые граждане, есть и совсем слепые. А правила для всех одни писаны, так

что мы не можем позволить вам разъезжать с таким нецензурным видом лобового стекла. Потому что сами понимаете, какой дурной пример другим вы подаете. Сейчас мы вас, конечно, отпустим, но вы должны сразу по прибытии на место заменить стекло на идентичное, но целое. А пока, чтобы вам впредь неповадно было, наложим на вас небольшой штрафчик. Договорились?

Ага, дудки. Я до таких глупостей не договариваюсь даже после полутора бутылок водки. Просто, наверное, умом не вышел. Но – ситуация! – возражать не приходилось. Нащупывая в кармане рубли, на которые вчера успел обменять пару сотен баксов, я, вслед за Саркисяном, направился к бело-голубой машине с офигенной мигалкой на крыше.

При нашем приближении один из товарищей, сидевших в салоне, выбрался наружу. На боку у него висел автомат – укороченный «Калашников». Я, в принципе, не обратил на это внимания – они, почему-то, всегда выползают наружу, когда клиент приносит деньги. С другой стороны, может, человеку просто косточки размять захотелось. Не бить же его за это ногами по лицу.

Мимо с явно завышенной скоростью пронесся «Форд». Человек с автоматом проводил его безразличным взглядом. Потом повернулся в нашу сторону. Саркисян неспешно подошел к машине, вынул из-за пазухи книжку со штрафными квитками и, положив на капот, принялся заполнять. Писал он быстро, я бы даже сказал, привычно, хотя, наверное, со-

всем не каллиграфическим почерком. У тех, кто пишет много и быстро, почерк почти всегда безнадежно угроблен.

Заполнив бланк, лейтенант поднял голову и поманил меня к себе:

– Подойдите сюда. Прочитайте, распишитесь и заплатите.

Я в очередной раз тяжело вздохнул, подошел к нему и склонился над бумажками. Автоматчик при этом выпал из поля моего зрения. Зато почти сразу уши заполнил отчаянный и ставший таким привычным вой Леонида Сергеевича. Оглянуться и посмотреть, что с ним случилось на сей раз, я, однако, не успел – на голову мне опустили что-то тяжелое и до крайности твердое. Сквозь разлетающиеся из глаз искры я успел заметить только одно – почерк у Саркисяна был, как ни странно, почти идеальный. Но этот факт меня уже не заинтересовал.

5

Можно обзывать себя всякими словами, вплоть до матерных, можно делать себе больно путем бития головой об асфальт, но если уж родился дураком, то это надолго, вернее – навсегда. Не только до смерти, но и в память потомков, как в компьютерный банк данных. И будут ходить просвещенные потомки, плюясь направо и налево при воспоминании о Михаиле Семеновиче Мешковском – экий был олух, прости, Господи! Вспомнить тошно. А уж в сказке сказать или пером описать – это какую ж наглость иметь надо? Как будто нет у нас людей подостойней, орденосцев и прочих передовиков, которые за смену, ежели приспичит, могут два, а то и три плана выполнить. Людей, скажем, обслужить, камня надолбить или еще чего. В общем, прямая Мишку дорога – в туалет, там залезть в унитаз и самому за пипетку слива дернуть. Чтобы смыться, на хрен, навсегда из памяти людской, потому как – не место.

Самое досадное, что все это я говорил себе сам и готов был подписаться под каждой фразой. Кровью, потом, соплями, а если хотите – простой шариковой ручкой.

Я ползал по дороге, болтая из стороны в сторону и без того разламывающейся на равные дольки головой и слушал благовест, который дарили мне расквартировавшиеся где-то в районе мозжечка, у основания черепа, невидимые колоко-

ла. Им, колоколам, было несравненно легче, чем мне. Долби себе да долби – в одной тональности и с равными промежутками. Мне было хуже – у меня в глазах была темнота.

Черт его знает, я не испугался, я просто сразу принял это, как должное: ослеп. Возможно, подсознательно давно с этим смирился: рано или поздно нечто подобное должно было произойти. При моем-то образе жизни, про который мама еще двадцать лет назад сказала: «Ты, Мишка, все равно добром не кончишь, своей смертью не помрешь. Бандит ты, бандит и есть. Снесут тебе лет через десять башку в какой-нибудь тюряге, и никто про это не узнает». Добрая была старушка. Хотя – почему «была»? Может, и посеичас живет. Впрочем, я тоже, так что относительно продолжительности моей жизни она слегка ошиблась. Лет на десять, как минимум. Да и на счет тюряги тоже, получается, пальцем в небо ткнула. Не был я там, и посещать не собираюсь. Даже в качестве почетного гостя. Хотя, если разобраться, там все гости. Но мама была права в общей характеристике меня, как такового. Как активной единицы нашего больного на голову общества. Люблю ее, маму. Чем дальше (в километрах), тем все больше.

Слепота не проходила. Да я и не ждал этого. Я вообще ничего не ждал, у меня даже чувств никаких не было. Ни отчаянья, ни страха, ни досады. В мозгу толсто и лениво ворочалась одна только мысль – хоть как-то определиться с местоположением. Потому что как раз в этом смысле я ничего

конкретного сказать не мог. Во всех других – с нашим удовольствием наговорил бы с три короба, но в этом – полный ноль. И, занятый одной этой мыслью, я просто не мог сосредоточиться на чем-то другом.

Но местоположение не определялось. Воздух был вроде и свеж, но вместе с тем тянуло чем-то индустриальным. Не то бензином, не то еще каким нафталином. Под пальцами то шуршал гравий, то мягко проседал раскаленный асфальт, с которого я стремился побыстрее сползти, чтобы шибко не испачкаться. Ясно – дорога. Гравий – обочина. Но вот где именно? В городе? В деревне? Просто на трассе? Если бы в городе, то меня, наверное, уже подобрали бы. В деревне, полагаю, тоже. С другой стороны, и трассы у нас вроде бы не безлюдные, машины должны туда-сюда носиться. По крайней мере, за то время, что я здесь крота изображаю, хоть одна могла бы проехать. Ан нет, фигу.

Так что вопрос оставался открытым.

Разволновавшись, я слегка превысил скорость и врезался головой во что-то твердое. Неожиданность тем более неприятная, что удар получился на редкость сильным, к тому же не самым удобным местом – верхней черепной костью, которая тем и отличается от лобовой, что для ударов совсем не предназначена. Импульсивная, как разряд электрического тока, боль, шилом пронзила все мое тело. Я с силой дернулся в сторону, зацепился за что-то рукой, упал на бок и покатился куда-то вниз, что было совсем уж ни в какие во-

рота. Напоследок на меня грохнулась какая-то хренотень, и тоже довольно сильно. Во всяком случае, мне хватило, чтобы снова вырубиться.

Только на сей раз обморок был целительным. Я в свое время читывал умные книжки и знаю, что кой-какая зараза может лечиться шоком. В моем случае такой заразой оказалась слепота. Она исчезла с той же внезапностью, что и появилась. Оставив, правда, чтобы не скучно было, головную боль, гудение колоколов вокруг мозжечка и приличных размеров шишку по верху головы.

Я обрадовался. Честное слово, никогда так не радовался солнцу, легким облачкам да синему небу – даже когда шпаненком просыпался после ночей ужасов, половину которых проводил в ожидании домовых, ведьм и прочей бесовщины, и видел за окном яркое летнее утро.

– Здравствуй, солнце! – от всей души сказал я, даже не думая вставать. Не смотря на то, что, судя по первым впечатлениям, лежал в изрядных размеров луже, и снаружи торчали только голова да половина туловища – от пуповины. Ну, и левая рука. И даже на то, что, стоило только открыть глаза, как память сразу услужливо подсунула не совсем приятную картину, на которой был изображен незабвенный Леонид Сергеевич в визжащем виде. Потом картина сменилась другой, где на переднем плане фигурировал то ли лейтенант, то ли нет – Саркисян (а может, даже и не Саркисян), а на заднем красовался готовый пуститься в рейд по тылам про-

тивника автоматчик.

Я не реагировал – ну их к лешему, и сырость, и звонко-голосого орангутанга Леонида Сергеевича, которого из-под моей опеки, надо понимать, изъяли. Я просто лежал и радовался жизни. Положа руку на сердце – впервые так искренне.

Однако минут через пять, когда немного отделились колокола и сырость заставила зануть истерзанные почки, мозг внес предложение – радоваться жизни в другом месте, где посуше. А то, дескать, радость недолгой будет – воспаление легких помешает.

Довод был железный, и я внял ему. Кряхтя и стеная, как француз, которого в одних подштанниках заставили драпать из Москвы, я поднялся на ноги и осмотрелся.

В принципе, щенячий восторг, охвативший мою душу при мысли о том, что жизнь прекрасна и продолжается, мог быть спокоен – изгонять его вон я не собирался. Место было довольно живописным. Метрах в десяти – веселый лиственный лес, буквально брызжущий изумрудной зеленью листвы, перед ним – нечто вроде болотца, покрытого кое-где кочкарником, а кое-где – валежником. На кочкарнике росли ирисы, и они показались мне самыми прелестными цветами из всех, что я видел до. Кое-где прыгали лягушки, но и они показались мне в данный момент царевнами. Если и не поголовно, то через одну я готов был их расцеловать.

Поворот на сто восемьдесят градусов – и передо мной офигенной высоты откос. Метров десять, и довольно крутой.

С него я и падал. А сверху на меня упала валежина, слава богу, достаточно гнилая – пришибив, сама сломалась.

Путь моего тела можно было проследить без труда – по более темной полосе на насыпи, которая повсюду успела покрыться какой-то травкой-муравкой. Падая, я оборвал этот ненадежный покров.

Но, глядя на путь, которым прибыл сюда, я отчетливо понимал, что обратно той же дорогой мне вряд ли удастся влезть. Слишком крута была горка. Не то, чтобы для меня теперешнего – я справедливо сомневался в том, что смог бы ее одолеть, даже пребывая в полном здравии. Разве только с альпинистским снаряжением.

Я огляделся и растянул губы в усмешке. Миша Мешковский еще попьет кофе за своим хромым на все три ножки столиком! Сухостоина, не так давно отправившая меня в нок-аут, вполне годилась для того, чтобы заменить собой хотя бы часть инвентаря скалолаза. А именно – колышки. Судя по тому, с какой готовностью она сломалась, рухнув мне на голову, расчленив ее труда не составит. Найти замену другому инструменту отважных покорителей гор – молотку – было еще проще. Камней по низу насыпи хватало – и больших, и маленьких, и средних. Оставалась только веревка для страховки, но, поскольку на штурм я шел в гордом одиночестве, то она мне была без надобности.

Наломав кучу колышков длиной сантиметров по двадцать, я принялся за дело. Вколачивая их в неудобную ка-

менистую почву почти до самого основания на расстоянии около полуметра друг от друга, я потихоньку продвигался вверх. Дело шло медленно – я торопился, колышки крошились, два раза камень вываливался у меня из рук и приходилось спускаться вниз за новым.

Когда до конца восхождения оставалось всего ничего – что-то около двух метров – колышки неожиданно закончились. Впрочем, не так уж неожиданно, но все равно. Усевшись на последней ступени своей импровизированной лестницы, я призадумался. Спускаться вниз за новой партией означало потратить кучу времени. Хотя, с другой стороны, куда мне торопиться? Но был один нюанс: даже снабженный колышками, откос был мало предназначен для шараханья по нему во всех направлениях. В этом я доподлинно убедился, когда спускался за камнем-молотком и чуть не гробанулся вниз на гораздо большей скорости, чем сам того хотел. Оно, конечно, не привыкать, но все равно приятного мало. Я же не заяц, чтобы с горы – и кувыркком.

Однако с двумя метрами, оставшимися до полной победы альпинизма, нужно было что-то решать. Во мне расту – метр восемьдесят с кепкой и, вытянув руки, я достану до конца. Но боюсь, что толку от меня, распластанного по склону, как сопля, будет мало.

Впрочем, выход я нашел. Будь этот склон настоящей скалой, мне волей-неволей пришлось бы спускаться вниз. Но он скалой не был. Поэтому я, как заправский волшебник, пре-

вратил камень из молотка в кайло и принялся долбить углубления. Не большие – такие, чтобы нога могла встать, но плотные, чтобы, не дай бог, оползня не получилось. И не такие частые, как колышки – возни с ямками было куда больше.

Короче, я выбрался. Мокрый и грязный, закамуфлированный под живую природу болотной тиной и глиной с откоса, я покорил эту десятиметровую преграду. На это у меня ушло никак не меньше часа. Вниз летел, помнится, гораздо быстрее.

Наверху я огляделся. Жутко интересно было, куда же меня все-таки занесло. Если уж быть до конца откровенным, то вот так, с налета, я не мог вспомнить, чтобы на каком-нибудь шоссе, ведущем из города, имелся участок дороги с такой могучей отсыпкой. Максимум, что позволяли себе дорожные строители при прокладке, так это скрыть кусок горы, прогрызть тоннель, но чтобы десятиметровую подушку отсыпать... Такого точно не было. Метр-полтора я уж считать не стал – в сравнении с десятью-то.

Однако и верчение головой из стороны в сторону к положительному результату не привело. Если не брать во внимание того, что я обнаружил остаточный эффект недавней слепоты, а именно – стоило скосить глаз чуть в сторону, и зрачок упирался в темноту. Все-таки одного падения для полного выздоровления оказалось маловато. Оставалось утешаться тем, что, глядя обоими глазами строго вперед, я могу видеть и тем, и другим одинаково хорошо.

Но взгляд в одну сторону ничего почти не дал. Почти – потому что я обнаружил предмет, о который, по всей видимости, и ударился головой перед тем, как свалиться с откоса. Это оказался дорожный знак, а вернее, указатель, на котором красовалась цифра «6». Это было тем более странно, что уж на таком-то расстоянии от города подобного участка дороги я вообще не знал. И маловероятным было, что Саркисян сотоварищи завез меня к другому городу, где, получается, и точки отсчета совершенно другие. Обернувшись в противоположную сторону, я сперва некоторое время недоуменно щурился, а потом хлопнул себя по лбу и довольно расхохотался. Все встало на свои места – и то, что за все время моего здесь пребывания мимо не проехала ни одна машина, и странный указатель, и незнакомость местности.

Передо мной – в полукилометре, не больше – располагался опытный животноводческий комплекс. Вернее, то, что должно было им стать – куча панельных каркасов под фермы, силосные башни и прочие сооружения того же рода. Было время, когда сюда завезли даже кое-какое оборудование, но после того, как строительство комплекса в спешном порядке свернули из-за нехватки финансов, бомжи и другие нечестные граждане всю эту механику растащили к чертовой матери.

Так и не состоявшийся свинокомплекс стоял колом уже года три. Единственное, что от него осталось стоящее – это дорога. Знатная трасса, почти по европейским стандартам.

Сперва кинули подушку, сверху – бетон и лишь затем все это покрыли асфальтом. Получился почти автобан. Почти – потому что немножко все-таки сплеховали дорожники. Ни подушке улежаться не дали, ни бетону сесть, как следует. И тем не менее, трасса для любимых российских просторов была хоть куда. К тому же все три года, что скончалось строительство, по ней практически не ездили.

Танцевать от свиного комплекса было куда легче, чем неизвестно откуда. Во всяком случае, я теперь определенно знал, куда идти. Понятно, в обратную сторону. Но, кроме того, я знал, куда выйду – на Северное шоссе, примерно в паре километров от того места, где меня тормознул фальшивый лейтенант Саркисян.

И я пошел. А фигли? Если прикинуть по времени, то дело шло к четырем-пяти часам. Полтора часа, от силы, я бороздил дороги, остальное время занимался тем, что дважды побывал в бессознательном состоянии. Но, рассуждая логически, вряд ли все это отняло больше семи-восьми часов. Ну, первый раз серьезным получился. Второй – вообще на несколько минут, не больше. Как человек опытный, я мог судить об этом более-менее уверенно.

Но определить время точнее я все равно не мог – лето, при всех его прелестях, имеет и недостаток: некорректно длинный день. Так, что уже начиная с полудня, я всегда терялся в часах, и уж тем более в минутах – черт их разберет, семь-восемь штук подряд, и все на одну колодку.

В одном я был уверен на все сто – дойти засветло до места утреннего хипеша вполне успею. Шесть километров до Северного шоссе, два – по нему. Часа полтора-два неторопливой прогулки.

И я не ошибся в расчетах, дошел. Болящая голова в этом особо не мешала – она парила где-то выше.

«Тойоту» я заметил издали. Она стояла на том же месте, где я ее остановил. Белая-белая и одинокая-одинокая. Мне стало ее жалко, как становится жалко все брошенные автомобили, и я прибавил шагу.

Но чем ближе я подходил к машине, тем больше меня одолевали сомнения: а стоит ли ее жалеть? Конечно, оставлять Леонида Сергеевича в «Тойоте» у лже-ментов резону не было – если, конечно, его одного. Но, с другой стороны, одиночество вполне мог скрасить Саркисян. Или автоматчик. Или третий тип, который все время просидел в машине и чью морду лица я так и не успел из-за этого рассмотреть. В общем, они могли – и должны были – укатить на двух машинах. Но не сделали этого. Странно.

Подойдя к «Тойоте», я осмотрелся. И присвистнул. Неподалеку, небрежно брошенные в траву валялись изъятые у меня документы. Это становилось все более интересным. Похитители словно предлагали мне: садись, езжай! А вот дудки! Уж документы-то они должны были забрать с собой. Понимали же, что рано или поздно я приду в чувство и вернусь сюда. А потом, весьма вероятно, отправлюсь вызволять по-

павшего в неволю престарелого орла Леонида Сергеевича. Поэтому товарищ Саркисян и другие товарищи просто обязаны были попытаться затруднить мне дело, а не облегчить его.

Что-то тут было нечисто. Ну, должно было быть нечисто. А потому садиться в машину я не стал. Фиг вам, дорогие товарищи, национальное индейское жилище. Где гарантия, что вы не напихали полный багажник гранат РГ-5 оборонительного действия? Или не багажник. Мало ли других укромных мест в автомобиле.

Я ограничился тем, что посмотрел на часы – слава Богу, дверное стекло было не тонировано. И понял, что, однако, скаут из меня никакой. Ни костра развести, ни время по солнцу определить. Цифры 17:15 ясно показывали, что в расчетах я, мягко говоря, ошибся.

Хуже было другое. Я был совершенно безоружен. «Беретту», незадолго до хипеша переложенную мной в карман куртки, эти хуцпаны, понятное дело, забрали на память. Ничего взамен не оставив. Рыться в автомобиле в надежде найти еще одну, было небезопасно – кто знает, куда им пришло в голову заныкать бомбу. Любое движение могло стать для меня последним. Я давно ни разу не сапер, а потому решил не рисковать.

Забрав сумку с вещами, которую так небрежно бросил утром на переднее пассажирское сиденье и которую Саркисян сотоварищи почему-то не тронули, я подобрал удосто-

верение и доверку на машину, где красовалось мое имя и все данные, и побрел прочь, не очень беспокоясь, в каком направлении. Не переживал я и по поводу остальных бумаг. Доверка – дело особое: я не хотел, чтобы меня связали с «Тойотой», случись что, а потому немного погодя разорвал ее на мелкие кусочки и пустил по ветру. Ну, а удостоверение было дорого мне, как память.

Я действительно особо не переживал о направлении движения. Какая, в конце концов, разница, куда идти, если совершенно не представляешь, что делать дальше. Ловить попутку – благо, деньги эти гои оставили при мне; охлопав уже почти просохшие карманы, я убедился в этом, – и ехать. Но куда? Конечно, лучше всего было бы сейчас добраться до своего, пусть и некрасивого, лежбища, принять ванну и упасть на кровать. И пусть они все отдыхают со своим Леонидом Сергеевичем. Три тысячи аванса я, думается, отработал уже одним своим участием в том обилии заварушек, что выпали на сегодняшний день. И никто не сможет меня упрекнуть, что в этой ситуации я умыл руки.

Пораскинув мозгами, я решил остановиться именно на этом варианте, а потому спрятался в кустах и наскоро переделся в сменку, которая лежала в сумке – как-никак, на десять дней собирался.

6

Клянусь честью последней девственницы Голливуда, – если таковые там, конечно, еще сохранились, – этой грязной, обшарпанной и поношенной девятиэтажке, где мне по недоразумению десять лет назад выделили двухкомнатную квартиру, (причем в обеих комнатах я большей частью прозябал в единичном экземпляре), я не радовался еще никогда в жизни. По крайней мере, так искренне, энергично и с таким напором.

По какой-то неизвестной причине где-то в районе желудка у меня прочно обосновалось мнение, что во всю эту авантюру с поездкой в Томск, Леонидом Сергеевичем и прочими прибабахами, я ввязался напрасно. Я, конечно, никогда не утверждал, что имею семь пядей во лбу, но выкинуть такую глупость – это было слишком даже для меня. И я был рад, что все закончилось так, как закончилось – в первый же день и с минимальными, – опять же, для меня, – потерями. Удар в основание черепа я великодушно решил упустить из виду.

Возможно, в этом неблагоприятном поступке было виновато мое полное бездействие на всех жизненных фронтах в последние месяцы. С тех пор, как меня попросили из таксопарка и даже орденом за храброе и довольно честное несение службы в течение почти десяти лет не наградили, я действительно ничего не делал, предпочитая валяться на кро-

вати и время от времени безбожно напиваться. Чем подтачивал свои финансовые сбережения. Три месяца, проведенные в качестве законного супруга – вообще не в счет. В итоге оказался не только без работы, но и без жены и денег на карманные расходы. И был вынужден ухватиться за первое попавшееся предложение. Которое, к сожалению, сделал ролеобразный крепыш.

За время простоя я, наверное, расслабился. Стал мягок и тяжел на подъем. Отсюда и столь быстрый и бесславный финал нынешнего предприятия. И, конечно, прежний я презрительно плюнул бы в себя нынешнего ядовитой слюной. Но я нынешний был слишком доволен завершением этой авантюрной поездки и на мнение меня прежнего обращать внимание не собирался. Вместо этого, когда угол моей – черт бы ее побрал вместе со всеми жителями и прочими тараканами – девятиэтажки показался из-за горизонта, обрадовался неимоверно и заколотил водителя ладонью по плечу:

– Слышь, друг! Земля! Родной берег! Останови здесь, а то я не дотерплю!

Водитель послушно остановился и, в ответ на протянутый мною столик, вытаращил глаза:

– Да ты че, блин? Я же не ради денег. Мне в дороге поболтать с кем-то хотелось. Я этими бумажками уже забыл, как пользоваться-то. Да у меня дома строительная компания осталась, я кругом только по карточкам расплачиваюсь. Я сюда к мамке с папкой приехал.

И уехал. Я сунул сотню в карман и позавидовал человеку. Какое счастье на голову свалилось – строительная компания! Надо понимать, что он такими цифрами оперирует, что от обилия нулей считать разучился. Теперь только языком работать умеет, но это у него получается отменно. Самолично в этом убедился, пока ехал с ним семьдесят километров.

Ну, не захотел, и ладушки. Деньги целее будут. Я, признаться, порядком поиздержался, богодуля, так что даденные мне три тысячи долларов были неоценимы в смысле поддержки штанов. И чем экономнее буду их расходовать, тем дольше продлится удовольствие халявной жизни.

Развернувшись, я пошел домой. Лево́й-право́й, лево́й-право́й. Как солдатик. В голове только легкий шум, о колоколах уже и помину не было. Хотя за основание черепа братья было больно и вообще там образовался солидный отек – я проверял. Но ведь для того я и спешил домой, чтобы все, в том числе и голову, привести в порядок, правда? Я, во всяком случае, надеялся именно на это.

Во дворе никаких следов утреннего инцидента не было и в помине. Азазелы, наверное, убрались восвояси сразу после меня, прихватив с собой и прищемленного типа. Сосед сверху, пробежавший мимо меня с автомобильной камерой в руках, выглядел не более придурковато, чем обычно, из чего я заключил, что никаких особых последствий для моего имиджа потасовка не имела.

Поднявшись в квартиру, я первым делом прошел в кух-

ню и, включив плитку, поставил кофейник – в укрепляющем действии кофе нуждался действительно. Потом прошел в ванную и сунул голову под струю холодной воды, стараясь хоть как-то унять пульсирующую боль в затылке. Неприятное, знаете ли, ощущение. Впрочем, почти ледяные потоки, низвергавшиеся на затылок, веселья тоже не добавляли. И тем не менее минут пять я стойко терпел издевательство меня над самим собою. Потом вынул голову из-под струи, вытер ее кое-как – чтобы не было мучительно больно – полотенцем, и пошел на кухню. Там уже кипел кофейник, радостно плюясь паром в стену. Каждый находит свои прелести в этой жизни.

Заварив себе кофе и, чтобы не изводить понапрасну время и электроэнергию, сварив в том же кофейнике четыре яйца, я принялся восстанавливать так щедро затраченные силы. Ломоть хлеба, шмат сала, яйцо. Пережевал, проглотил – и по новой. А фигли? Завтрак аристократа. Жизнь прекрасна и удивительна.

От этого приятного занятия меня оторвал телефонный звонок. Поначалу я решил проигнорировать его. К чертям собачьим. Я кушаю. Позвонят – и перестанут. Если очень нужен, позже перезвонят.

Но телефон надрывался настойчиво, явно надеясь на свою преждевременную кончину от перенапряжения. Пришлось не дать ему подохнуть от людской черствости, пройти в прихожую и снять трубку.

– Ну и але? – сказал я.

– Мешковский? – нервно спросил телефон чрезвычайно знакомым голосом.

– В окно выбросился, – соврал я. – Я за него. Чего надо?

Все это произносилось с набитым ртом, поэтому вполне допускаю, что некоторые слова и даже фразы прозвучали неотчетливо, а то и вовсе были проглочены вместе с хлебно-сало-яичной смесью. Во всяком случае, телефон некоторое время соображал, чего же это ему напихали в микрофон, и лишь затем выговорил:

– Ты дома?

– Чертовски верно подмечено! – я удивился и восхитился одновременно. – А как ты догадался?

– Я звоню уже четыре часа, никто трубку не берет! В чем дело?!

– Тараканы отощали, – пояснил я. – Оставляю их одних дома, а у них сил не хватает даже телефонную трубку поднять. Вот и думаю: рацион, что ли, увеличить?

– Ты дурочку не валяй! – грозно потребовал голос. – Тебя дома не было?

– Вежливость и еще раз вежливость, – как бы между прочим заметил я. – Это основа человеческого общежития. Экономит, к слову, кучу времени и нервов. Еще вопросы есть?

– Где Леонид Сергеевич, ты, хер с бугра?! – взревела трубка.

– Так-так-так! Что говорил, что мочиться ходил. Резуль-

тат тот же. Все свободны, все танцуют. – И повесил трубку.

За что люблю все телефоны в целом и свой в особенности – так это за возможность в любой момент прервать разговор. Когда он, к примеру, переходит в нежелательную плоскость. Ну, скажем, когда собеседник опускается до оскорблений в мой адрес, – чего я не терплю принципиально, или же начинает рассуждать на отвлеченные темы типа: что было бы, если бы Ньютону на голову свалилось не яблоко, а утюг, – чего я не понимаю.

Однако не успел я сделать и пары шагов в сторону кухни с твердым намерением возобновить прерванную трапезу, как телефон снова принялся звенеть, увлеченно подпрыгивая при этом.

Я далеко не так глуп, как могут подумать некоторые, взглянув на мой низкий лоб, и я сразу догадался, что на проводе тот самый невоспитанный крикун. Судя по голосу, парень с внешностью рояля. Раз он уже звонил мне четыре часа кряду, то ему никакого труда не составит набрать знакомый номер еще раз. Тем не менее, трубку я снял. Были причины. Но предупредил сразу:

– Только не вздумай орать. Я человек нервный, могу и матом заругаться. Говори мало и говори дело.

– Хорошо, – вздохнула трубка. – Извини. Забыл, какой ты эмоциональный. Сорвался. Но и ты меня пойми: мимо нашего эн-пэ ты должен был проехать четыре часа назад, но не проехал. Понятно, мы заволновались. Стали названивать

тебе, чтобы выяснить, в чем дело.

– Да я минут пятнадцать назад вернулся, – вполне мирно сказал я. – Там, на дороге, неприятность нехорошая получилась. На семидесятом километре нас остановили менты, которые оказались совсем не менты, долбанули меня в темя и забросили в лес. Что там без меня было – не в курсе, когда в себя пришел, машина стояла на месте, Леонида Сергеевича в ней не было ни живого, ни мертвого. Что делать, я не знал, машину бросил, где стояла – может, заминированная, проверять не стал. Поймал попутку и поехал в город. Вопросы, претензии есть?

– Нет... – проямлила трубка.

– Кстати, из трех хипшей я вашего буквоеда успел вытащить целым и невредимым, даже без дырок. Так что аванс, думаю, отработал честно. Или как?

– Честно, – вынужденно согласился мой невидимый за дальностью расстояния собеседник.

– Вот и пришли к согласию, – резюмировал я и стал ждать, будут ли у него еще какие-нибудь деловые предложения.

– Ну да... – в голосе человека-рояля сквозила тоска оскопленного мамонта. – Пришли... Только хреново как-то все получилось...

Я не спорил. Глупо было бы. По большому счету, я и сам бы не стал возражать, кабы дорога была только дорогой. Без педиков с гнилыми зубами и пистолетами за пазухой. Без фальшивых лейтенантов Саркисянов и их напарников, го-

товых в любое время треснуть человека прикладом в темя. Чтобы я чисто и аккуратно довез клиента до места назначения, и честно и бескровно заработал десять тысяч баксов. Это был бы идеальный вариант, но жизнь далеко не идеальна, а потому и не стоит на нее за это сильно обижаться. Уж какая есть.

– Слушай, Мешковский, – нерешительно проговорила трубка. – Нас случившееся совсем не устраивает. Тебя, понятно, никто не винит, ты деньги сполна отработал, но мы бы не хотели, чтобы Леонид Сергеевич оставался в руках у этих ублюдков. Он нужен нам на воле, с развязанными руками, со свободой действий. Конечно, понятно, что вернуть его...

– Короче, доктор, – прервал я его, – скажите сразу: я жить буду сейчас или только после того, как работу поменяю? Говори конкретно: чего от меня надо?

– Предложение есть, – грустно проворковала трубка.

– Замуж не пойду, – сразу предупредил я.

– И не надо, кому ты нужен. Предложение деловое. Что, если тебе попробовать вызволить Леонида Сергеевича? Ты, помнится, говорил, что тебе опыта разных, как ты это называешь, хипшей, не занимать.

– Ну, предположим, – с интересом сказал я. – И что?

– Ведь для тебя это будет только очередной хипеш, не больше, да? Зато хорошо оплаченный. Да и людям услугу сделаешь. Это тебе в будущем зачтется.

– На том свете, что ли? – уточнил я. – Так мне, по секрету,

на тот свет плевать.

– Да при чем тут тот свет? – с досадой отмахнулся голос. – Просто мы, даю гарантию, тебя не забудем. Тоже ведь когда-то в чем-то нуждаться будешь, вот и сочтемся.

– Звучит, – согласился я. – А вот как на счет шелеста?

– Ну, ты же понимаешь, что мы тоже не Рокфеллеры, – смущенно пробормотала трубка. – За поездку тебе было обещано десять тысяч, три ты уже получил. Что, если к оставшимся семи мы прибавим еще три, и все это в целом и составит твой гонорар?

– Я, конечно, понимаю, что вы не Рокфеллеры, – согласился я. – И три тысячи баксов я уже получил. Но я тоже с дочкой миллионера пока не сошелся, так что деньги считать умею. И десять тысяч звучит неплохо. Особенно, если три из них опять пойдут авансом.

– Пойдут, пойдут, – торопливо подтвердила трубка.

– Получается, я согласен.

– Ты когда за дело принимаешься? – спросил крепыш.

– А вот сейчас доем свои яйца, и примусь. – Трубка заткнулась, переваривая мой перл, а я, чтобы окончательно утрясти все вопросы, добавил: – Деньги можете просто засунуть в конверт и опустить в мой почтовый ящик. Надежно, как броненосец «Потемкин» – в нашем доме их не вскрывают, по мелочам не размениваются. Только желательно проделать это завтра утром.

– Хорошо, – сказал крепыш. – Значит, договорились? Ну,

бывай.

– Всенепременно, – отозвался я и положил трубку.

Доедая свой ужин для чемпиона, я призадумался: а правильно ли сделал, согласившись? Я, конечно, парень – оторви да брось, что со мной многожды, кстати, и проделывали. Бился один на один с превосходящими силами противника и даже порой побеждал их. Кроме того, я хитрый, смелый и решительный. Меня любит удача и многие другие женщины. Да и здоровьем, откровенно говоря, природа не обидела. Опять же, в армии в свое время вовсе не в стройбате служил. И тем не менее, сейчас я – не больше, чем отставной таксист. Хипеши – хипешами, у кого их не бывает. Не каждый же после них бросается оказывать другим за деньги услуги определенного рода. Так чем я лучше других, с чего решил, что работа частного детектива, какой ее изображают в многочисленных детективных романах со счастливым концом, будет мне по плечу?

Однако при всем том, что я ничем не лучше других, причина согласиться с предложением музыкально оформленного человека у меня была. И причина довольно основательная – деньги. Пускай я зауряден, как равнобедренный треугольник, но в данный момент истории я сидел без работы, и на предложение оной, хоть и временной, но за приличное вознаграждение, обязан был прореагировать. В смысле – согласиться. Риск, говорят, дело благородное. Да будет так.

Задумчиво дожевывая сало-яйца-хлеб, я прикидывал, по-

здравлять себя или оплакивать. Сам же, помнится, клеймил себя позорными словами за то, что согласился отвезти Леонида Сергеевича. Дубль второй, получается? В любом случае – можно сказать, что мне выпало сыграть новую роль на сцене этого театра, который именуется жизнь. Роль Шерлока Холмса, помноженного на комиссара Катани. Оставалось только начать. А за этим дело не станет – спектакль уже начался, вводная часть позади, и зритель с нетерпением ждет выхода главного героя – меня, сердешного.

А я уже стою за кулисами, готовый, как пионер.

Но легко рассуждать, сидя за кухонным столом с набитым ртом и глядя, как неспешно испаряется кофе из чашки. А когда встаешь из-за стола, то оказывается, что не знаешь, с чего, собственно, и начать. Я, что ни говорите, все-таки не был ни Шерлоком, ни комиссаром. И вообще к сыску имел весьма отдаленное отношение. Года три назад, помнится, с пьяных глаз заныкал куда-то зарплату, так и ту не смог найти, хоть и перевернул трижды в доме все вверх дном. А потом вообще оказалось, что деньги я еще на работе под чехол сиденья упрятал. Весь таксопарк тогда безбожно ржал надо мной, отбив всякую охоту продолжать сыскную деятельность.

Однако на сей раз речь шла не о пропаже пачки сотенных купюр, а об уворовании живого и вполне упитанного человека с заднего сиденья автомобиля. А в поиске пропавших людей опыт у меня был побольше. Хотя чаще всего оказывалось, что зверь бежал на ловца, но ведь, с другой стороны, везет достойным, правда? И я не видел причин, которые могли бы мне помешать действовать в традиционном русле.

Тем более что кое-какими сведениями о предстоящей операции я все-таки располагал. Леонид Сергеевич, как ни извивался, как ни уворачивался, не смог отделаться от меня, настойчивого. Впрочем, вполне возможно, что за это мое

излишнее любопытство он сам же меня в скором времени будет благодарить.

Данные задачи были просты, как камень «дубль-пусто» в доминошном наборе. Имелся некий генерал Коновалов, летчик и прочая, и имелись его люди, похитившие неугодного генералу Леонида Сергеевича. Среди других данных завалились также место и время указанного происшествия, но они мне не то, чтобы не помогали, а даже и мешали. Действительно, оглушили меня довольно далеко от города, – в семидесяти километрах, – так что догадаться, куда направились похитители после, сложновато. Тем более, что времени на раздумье у них было хоть отбавляй.

С другой стороны, не имея возможности найти Саркисяна, я вполне мог взяться за дело с обратного конца – через генерала. Уж этого-то припогоненного субъекта гражданской наружности разыскать труда не составит. Ежику понятно, что сидит сейчас бравый летчик Коновалов в своем кабинете и составляет графики движения самолетов. Хотя спорить не буду – очень может быть, делает что-то другое. Говоря откровенно, в той области, какую он представлял, я разбирался слабо.

Как бы то ни было, а до генерала всегда можно было добраться. Может быть, и сложно, но можно. Вряд ли он станет прятаться – понадеется на свое положение, статус, охрану. Да и, в самом деле, не вломлюсь же я в его шикарный кабинет, чтобы, развалиясь в гостевом кресле, поинтересоваться в лоб:

«А куда вы, разлюбезный генерал, заныкали похищенного вашими шестерками адвоката?». Такой номер не пройдет. Во-первых, разлюбезный генерал взмахнет руками и запричитает что-нибудь типа: «Да что вы?! Да как вы такое могли подумать?! Знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. И вообще, я просто до ветру выскочил!». А во-вторых, вызовет охрану – ну, или милицию, и еще неизвестно, что хуже, – и те выведут меня под белы ручки. Куда – на их усмотрение. Причем летчик Коновалов в такой ситуации будет чувствовать себя совершенно неуязвимым, а вот какое самочувствие случится у экс-таксиста Мешковского – ба-альшой вопрос.

Значит, действовать нужно будет тоньше. Значит, следовало поднапрячь мозг.

Я выплеснул воду из кофейника, – все-таки, яйца варил, а пить кофе, заваренный на крутом яичном бульоне, это, извините, жлобство, – залил его наново и поставил на плиту. Ничто так не активизирует мыслительный процесс, как чашечка горячего, ароматного кофе. Я предпочитал без сахара.

Положение слегка осложнялось отсутствием под рукой машины. Крепыш, попроси я его об этом, наверное, не отказал бы, но я что-то сразу не догадался, а теперь поздно метаться. Они знали, как выходить на меня, я – нет. А приобретать автомобиль самостоятельно – при том, что сделать это можно было по весьма сходной цене, скажем, за тысячу баксов – не собирался. Во-первых, потому, что это однозначно будет развалюха – кто за такие деньги нормальные

колеса отдаст? – а во-вторых, это будет все равно, что встать, подойти к окну и швырнуть деньги туда. Работа предстоит сложная, закононепослушная, и вполне возможно, что по ее окончании (если таковое состоится), менты будут разыскивать участников по косвенным приметам. В том числе и такой, как данные автомобиля. Так что от него надо будет избавляться, и чем скорее, тем лучше. И я останусь и без денег, и без машины.

Я, наконец, заварил кофе и почувствовал, что меня разбieraет злость. Ну ладно, допустим, я дурак, в первый раз замужем и все такое, но эти-то шлимазлы, предлагая мне работу, могли догадаться оставить контактный телефон или хотя бы номер и серию своего паспорта, чтобы я им до востребования писал? Как-то ведь нужно поддерживать связь!

Заглотив изрядный шмат кофейного кипятка, я обжегся, подскочил к раковине и выплюнул его. Говорила мне бабушка – жадность фрайера сгубит, так, наверное, и случится. В голове у меня что-то щелкнуло, и я удивился, почему там не щелкало раньше. Оставив чашку с кофе на кухонном столе, я кинулся в спальню.

Какой идиот! Наверное, наследственное. Папу, директора овощебазы, тоже, помнится, за хищение гнилой картошки под суд хотели отдать. Явно не от большого ума папа на гнилую картошку повелся.

Вывхватив из прикроватной тумбочки записную книжку, я раскрыл ее на букве «П» и принялся лихорадочно елозить

глазами по странице. Партия любителей пива – явно не то. Палтус, Плинтус, продукты... Ага, вот! Пипус – Соломон Адамович Крейцер. Телефон имеется. Даже, при желании, сотовый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.